

Василий
Криштонов

Миля
Бачурова

КНЯЗЬ
Барятинский

ОПЕРАЦИЯ "КРОНШТАДТ"

Мила Бачурова

**Князь Барятинский 4.
Операция «Кронштадт»**

«Автор»

2023

Бачурова М.

Князь Барятинский 4. Операция «Кронштадт» / М. Бачурова —
«Автор», 2023

Заговор раскрыт. Заговорщики обезврежены. Император лично прибыл в Академию, чтобы отблагодарить меня. Казалось бы – пришла пора мятежному Капитану Чейну отдохнуть. Но не тут-то было. Предложение от организации, которая связалась со мной – из тех, от которых не принято отказываться...

Содержание

Глава 1. Скромная персона	5
Глава 2. Момент истины	10
Глава 3. Хобби	16
Глава 4. Господин Витман	21
Глава 5. Сам дьявол	26
Глава 6. Иной подход	31
Глава 7. Делай, что делается	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мила Бачурова, Василий Криптонов

Князь Бярытнскй 4.

Операця «Кронштадт»

Глава 1. Скромная персона

В академическом садике залили каток. Излишне говорить, что Полли не оставила это событие без внимания. И, как следствие, отдуваться пришлось нам с Мишелем. Мне – по понятным причинам, я продолжал числиться в женихах. С Мишелем же вышло сложнее.

После того как Мишель формально защитил Полли в ситуации с несостоявшимися заговорщиками, она явно стала куда больше к нему благоволить. Во всяком случае, спасение сработало лучше, чем золотая брошь (которую она, впрочем, продолжала носить, не снимая, будто медаль).

Сказать наверняка, что именно происходит в голове госпожи Нарышкиной, я не мог. В качестве рабочих у меня было два варианта. Первый: Полли наслаждается тем, что якобы за её сердце сражаются двое мужчин. И второй: не рассматривая Мишеля в качестве жениха, Полли полагала, будто, приблизив парня к себе, оказывает ему высочайшую честь. Позволяет погреться в лучах своей замечательности.

Для того, чтобы понять, что именно происходит, нужно было поговорить с ней на эту тему. Только, разумеется, говорить должен был не я.

– Ты издеваешься? – спросила Кристина, скользя по льду рядом со мной.

Как раз сейчас внимания Полли удостоился Мишель, и я слинял, перехватив госпожу Алмазову. Кататься на коньках учился во время каникул, пришлось уделить этому занятию особое внимание. Зато сейчас получалось уже вполне сносно.

Крестину, вопреки её опасениям, из тайной канцелярии не уволили. И даже не убили. Несмотря на то, что один из самых ценных заговорщиков погиб якобы при её попустительстве.

С Андреем, Анатодем и Мишелем, которые невольны стали свидетелями присутствия в академии заговорщиков, провел беседу лично Калиновский. Стоит отдать должное его педагогическому и дипломатическому таланту: ни о какой иностранной разведке ректор и словом не обмолвился. Он постарался представить заговорщиков членами некоего закрытого клуба. Снисходительно назвал их «заигравшимися мальчишками», объяснил, что деятельность этой, несомненно, вредной организации отныне прекращена. Поблагодарил Андрея, Анатоля и Мишеля за помощь, которую они оказали, и попросил их сохранить «некрасивую историю» в тайне. Не посвящать в неё никого из однокашников и даже своих родных.

Просьба ректора, как ни странно, подействовала. Слово дворянина в этом мире действительно значило очень много. Слухи о том, что случилось рождественской ночью, по академии, конечно, ходили, но это были именно слухи. Андрей, Анатоля, Мишель и даже Полли о своём участии в событиях не рассказали никому.

Друг с другом мы это также почти не обсуждали. О той роли, которую играла во всем этом Кристина, Калиновский ухитрился умолчать. По крайней мере, мне никто из друзей вопросов не задавал. Тайна осталась тайной – курсантам не нужно знать, что вместе с ними учиться сотрудница «органов». И устраивать тайные встречи с Крестиной теперь, когда работать не над чем – означало лишь навлечь на себя проблемы.

– Напротив, я всё рассчитал, – сказал я, лавируя между однокурсниками и старшими товарищами, пришедшими опробовать каток. – Вы с Полли вроде бы стали неплохо ладить. А от подруги такой вопрос – вполне ожидаем.

– Во-первых, «стали неплохо ладить» и «подруги» – это разные понятия, – процедила Кристина сквозь зубы. – А во-вторых, господин Барятинский, я вас что-то не пойму. К чему эти сложности? Если у вас есть опасения относительно твёрдости чувства, живущего в сердце госпожи Нарышкиной, сделайте ей уже официальное предложение. После чего дайте понять, что вам неприятно, когда она оказывает внимание другим. Только не надо говорить, что для вас важно, чтобы она сама приняла решение. Я в это поверю так же охотно, как в то, что по ночам вы пишете стихи и томно вздыхаете о предмете своего обожания.

– Ты переходишь на «вы», когда нервничаешь, – заметил я и наслаждался вспыхнувшим на щеках Кристины румянцем. – А стихи по ночам пишет Мишель. Хотя, справедливости ради, старается при этом громко не вздыхать. Всё же коллектив у нас мужской, суровый – могут неправильно понять, потом шуток не оберёшься.

Кристина покраснела ещё сильнее.

– Иногда мне кажется, что ты воспитывался в каком-то сарае, – буркнула она.

Ох, где я только не воспитывался... Впрочем, в сараях, кажется, бывать не доводилось. Подвалов на счету немало, это точно. Случались и гаражи. А вот с сараями – увы, не сложилось.

– Так чего ты хочешь? – настаивала Кристина. – Чтобы Полли прекратила заигрывать с Мишелем?

– Я хочу, чтобы вы, девочки, посекретничали, и Полли сказала тебе, что вообще думает по поводу сложившейся ситуации, – вздохнул я. – Влиять на неё не надо. Просто разведка, пока без боя.

Услышав околовоеенные термины, Кристина внезапно сдалась и кивнула:

– Что ж, постараюсь. Но имей в виду: ты будешь мне должен.

– Вы знаете, где меня найти, госпожа Алмазова.

– Ты переходишь на «вы», когда издеваешься! – огрызнулась Кристина.

И, резко изменив направление, укатила от меня прочь. Кажется, в сторону Полли.

Удовлетворённо кивнув, я подъехал к скамейке. Они стояли вокруг катка, обогреваемые бытовой магией. Наматывать круги уже изрядно задолбался, да к тому же скоро ужин.

Я сел, начал расшнуровывать ботинки. Мысли в голове, надо сказать, бродили нерадостные. И чего я действительно развёл такую сложную деятельность вокруг Полли? Казалось бы, чего уж проще – сказать барышне твёрдое нет.

Но тут капитан Чейн вступал в конфронтацию с Костей Барятинским, и второй одерживал решительную победу. Его доводы были неотразимы.

Во-первых, аристократический мир тесен, и обиды здесь не забывают. Во-вторых, род Нарышкиных – отнюдь не последний в списке. Одно лишь то, что Полли поступила в Императорскую Академию – дорогого стоит. Без протекции сюда попасть почти невозможно. Конечно, за неё просил не император, но однозначно человек, к слову которого прислушиваются.

Ну и, наконец, в-третьих. Дружба с Полли меня полностью устраивает. С ней весело, на неё иногда можно положиться. А слёзы и обиды мне точно не нужны.

А ещё – и вот тут уже в рассуждения Кости вмешивался Капитан Чейн – Полли, так же, как и прочие, часть моей команды. Потеря бойца – вина командира. Потерять Полли из-за такой ерунды, как романтические чувства, мне претило.

Вот и получаем то, что получаем. Дурацкая ситуация, понимаю. И выходить из неё приходится так же по-дурацки. Но что поделывать, если я не могу себя переломить? Костины ровесницы мне малоинтересны просто в силу возраста. Исключение... исключение, конечно, есть, – подумал я, скользнув взглядом по толпе катающихся, – но исключение лишь подтверждает наличие правила.

– Господин Барятинский, вас ожидают-с, – послышался сзади голос.

Я как раз успел переобуться. Связывал коньки шнурками, чтобы отнести в хранилище. Встал, повернулся. За спинкой скамейки стоял наставник и доброжелательно улыбался.

– Не видел вас раньше, – сказал я.

– Только что вышел из отпуска-с, – помедлив, поклонился наставник.

Отпуск длиной в полгода? Хм...

– Кто ожидает? – спросил я. – И где?

– Просили не называть имени. В Царском Селе. Я провожу-с.

Я откашлялся, маскируя замешательство. Всё выглядело, как примитивный развод, замануха. Но зачем? И – кто? Белозеров гниёт где-то в недрах тайной канцелярии, Рабиндраната, вероятно, уже прикопали. Понятно, что за Белозеровым кто-то стоит, но вот такая скоропалительная месть – это как-то... глупо, что ли.

Впрочем, предупреждён – значит, вооружён. На открытом пространстве ко мне так просто не подобраться. А увидев опасность издали, я точно успею среагировать подобающим образом.

– Идёмте, – сказал я. Повесил коньки на плечо и обошёл скамейку.

Мы двинулись к Царскому селу. Наставник вышагивал как-то необычайно величаво, заложив руки за спину. На лице его была странная отрешённая улыбка.

– Только вышли из отпуска и уже знаете, как я выгляжу? – спросил я.

– Помилуйте, ваше сиятельство, – ещё откровеннее улыбнулся наставник. – Да кто же вас не знает? Чай, люди мы не совсем тёмные, газеты читаем-с.

Перед тем, как ответить, он снова немного помедлил. Так бывает, когда с тобой разговаривает иностранец, нетвердо знающий язык – он сначала мысленно строит фразу. Однако наставник говорил чисто, без акцента.

Я поморщился, вспомнив фотографию, на которой танцую с великой княжной. Впрочем, были и ещё публикации... Н-да, не планировал я тут карьеру селебрити, однако уже не отвертеться. С преимуществами пока не освоился, зато проблемы видны невооружённым глазом. Когда тебя знает каждая собака, спрашивать, откуда она тебя знает – заведомо бесполезно.

Тем временем мы углубились в занесённый снегом парк. Дорожки здесь чистили. Хоть императорская семья зимовала в Петербурге, Царское Село оставалось значимым объектом. Да и золотая молодёжь – я в том числе – львиную долю досуга проводила здесь.

Признаться, поначалу я воспринимал такое времяпрепровождение, как прогулки по парку, скептически. Памятуя о родном мире, сомневался, что подростки поведутся на такую аферу. Однако за полгода многое изменилось.

Красота и величие Царского Села успокаивали, настраивали на задумчивый лад. Никто из курсантов не рвался устраивать здесь мордобой, пить водку и курить дурь. Внезапно возможность гулять по красивому месту, где природа переплелась с архитектурой, в непосредственной близости от верховной власти, оказала благотворное влияние на всех, на меня – в том числе. Ну, если вынести за скобки ситуацию с кружком заговорщиков, конечно.

Сейчас в Царском Селе было пусто – курсантов приманил каток. Я, как ни старался, не мог ни увидеть, ни почувствовать опасности. От наставника держался на достаточном расстоянии, чтобы меня было невозможно достать холодным оружием. Если же он достанет пистолет, я десять раз успею выбить его цепью.

Остановившись, наставник повернулся ко мне.

– И где же эта скромная персона, не пожелавшая назваться? – спросил я, мгновенно напрягшись.

– Перед вами, Константин Александрович.

По лицу наставника как будто пробежала волна, и оно изменилось. Я вздрогнул.

В следующую секунду рефлекс, вбитый в меня в этом мире, взяли своё. Я поклонился.

– Ваше величество...

– Оставьте, Константин Александрович, – сказал император. – Я тут инкогнито. Мы с вами не во дворце, свидетелей вокруг нет. Можем поговорить, ни на кого не оглядываясь, как обыкновенные люди.

– Чем обязан честью? – спросил я.

– Действительно, – как будто задумался император. – Вы спасли от позора мою дочь, пресекли заговор против меня... И в самом деле, чем же вы заслужили честь стоять на морозе рядом со мной?

Судя по прищуре, император сдерживал смех. Я тоже улыбнулся и развёл руками:

– Ну... это мой долг, как аристократа и гражданина своей страны.

– И я благодарю вас за то, что вы его исполнили, – кивнул император. – Моя благодарность вас не оставит, поверьте. И вот её часть – я хочу, чтобы вы узнали правду. Узнали её лично от меня.

– О чём же?

– О господине Иванове. Вы ведь читали его дневник?

Я молча посмотрел на императора. Тот снова улыбнулся:

– Если некто прикасался к некоей вещи даже неделю назад – я это почувствую. Немногие маги могут скрывать отпечатки ауры... Впрочем, вы, полагаю, скоро обучитесь этому искусству. Теперь, после моих слов.

Как и в разговорах с Платоном, у меня вдруг возникло ощущение, что император знает всё.

Знает, что я, едва успев дочитать дневник Рабиндраната и услышав в коридоре шаги представителя контрразведки, самым пошлым и дурацким образом сиганул в окно – едва успев прикрыть его за собой. Рассчитывал, что осматривать улицу этому человеку в голову не придёт, и не ошибся.

Я не удивился бы, даже если бы узнал, что император знает, кто я, откуда и как сюда попал. Хотя уж это наверняка было иллюзией.

– Если бы я говорил с чёрным магом, я бы начал с вознаграждения, – продолжил император. – Однако я с большим уважением отношусь к цвету вашей жемчужины. Поэтому начну – с правды. Господин Иванов не был моим сыном.

– Я и не думал, что...

Император покачал головой:

– Думали, Константин Александрович, думали. Верили или нет – дело другое, но мыслям не прикажешь. Я сам ненавидел себя, читая этот дневник.

Император повернулся и пошёл дальше по тропинке. Я двинулся за ним, держась рядом. В свете фонарей блестели, кружась, редкие снежинки.

– Моё знакомство с матерью господина Иванова было коротким и мимолётным, – проговорил император. – Уже тогда мне показалось, что она – женщина крайне неуравновешенная. Был в ней какой-то... надрыв. И, боюсь, знакомство со мной не пошло на пользу. Госпожа Иванова была... раздавлена – вот, пожалуй, правильное слово. Вы ведь знаете, какое впечатление производит моя сила. С вашего позволения, не буду прятаться за ложной скромностью.

– Понимаю, – просто сказал я.

– Я очень быстро забыл об этой женщине, – продолжил император. – Она же, по всей видимости – нет. Что-то повредилось в её голове настолько, что единственная мимолетная встреча – уж поверьте на слово, ни о какой любовной связи и речи идти не могло, – приравнялась в её фантазиях к рождённому от меня ребёнку. Несчастливого господина Иванова, который выпитал эту фантазию с материнским молоком, обвинять, по сути, не в чем. У него было полное право злиться на своего так называемого отца и считать себя обделённым.

– Всё это не может оправдывать участия господина Иванова в заговоре, – заметил я.

– Не может, – кивнул император. – Однако сложно спорить с тем, что в идеале господин Иванов должен был лечиться у ментальных магов, а не погибнуть в ледяной воде на дне канала.

– Вот это уже – моя вина, – покаялся я.

– Бросьте, Константин Александрович. Это – ничья вина. В том и состоит трагедия большинства жизненных ситуаций: никто ни в чём не виноват, все поступают так, как было должно. Но на душе остаются горечь и тяжесть.

А вот теперь доводы Кости спасовали перед капитаном Чейном. Потому что это у аристократов могли оставаться на душе горечь и тяжесть после того как погиб агрессивный сукин сын, пытавшийся тебя убить. У аристократов слишком много времени на размышления и слишком спокойная жизнь. Капитан Чейн не мог этого понять при всём желании. Вернее, понять-то мог, но от души посочувствовать сукиному сыну – тут уж увольте.

Поэтому я промолчал, опустил голову – надеясь, что это прокатит за сочувствие. Но забыл, с кем имею дело.

– Не нужно притворяться, Константин Александрович, – спокойно сказал император. – Юность всегда жестока. Способность жалеть своих врагов появляется гораздо позже.

Я героически сдержал усмешку. Поднял голову, посмотрел в глаза императору. И вдруг подумал: а как выглядела бы наша встреча в моём мире?

С одной стороны – я, опалённый и изуродованный войной старый злой пёс. С другой стороны – этот холёный аристократ, который, тем не менее, обладает огромной силой и несёт на своих плечах огромную ответственность. Стали бы мы с ним друзьями? Как знать... Это зависело бы от множества обстоятельств. В первую очередь – от того, на чьей стороне стоял бы этот человек.

– Раскрыв заговор, вы совершили большое дело, Константин Александрович, – продолжил император.

– Я не один работал над этим делом, – сказал я.

– Верно. Однако госпожа Алмазова выполняла приказ. Вы же руководствовались одним лишь гражданским долгом.

– Тем не менее.

– Скромность украшает белого мага, – кивнул император. – И всё же, в фокус моего внимания попали именно вы. Причём, попали уже достаточно давно. Уверен, это – не последняя наша личная встреча. Не скрою – я бы хотел, чтобы меня окружали люди, подобные вам. Люди, которым я могу доверять не потому, что им плачу, и не потому, что им выгодно находиться рядом с властью. А потому, что сама их натура созвучна моей.

– Вы... что-то мне предлагаете? – осторожно спросил я.

Выслушивать комплименты приятно секунду. Ну, две. Потом надоедает и хочется перейти к сути. Потому что за обилием тёплых слов частенько прячут весьма неприглядную суть.

Глава 2. Момент истины

– Я предлагаю вам, Константин Александрович, считать меня своим другом. – Император протянул мне руку. – Я бы мог прямо сейчас предложить вам весьма достойное место рядом со мной, но мне кажется, что вы должны пройти свой путь. Посему, мой вам дружеский совет – продолжайте учиться. Я верю, что ни один день, проведённый в стенах академии, не пропадает для вас даром. Кроме того, как показала практика, вы, даже находясь здесь, можете сослужить добрую службу престолу. А если вам понадобится моя помощь в чём-либо... Думаю, вы представляете, как можно со мной связаться.

Я вежливо поклонился. Пожимая руку императора, с тоской думал о том, что не могу обратиться к его помощи в том деле, которое занимает меня больше всего. Мёртвый завод, пропавший Вишневецкий...

Попросить, конечно, можно, но что дальше? Вряд ли император отправится со мной на завод, чтобы огнём и мечом (или какое там у него личное оружие) выбить правду из бетонных стен. Нет – он попытается помочь так, как привык, то есть, отдавая приказы и задавая вопросы. А если я всё понимаю правильно, то ситуация с заводом уходит корнями глубоко в верхушку. Предатель затаился где-то очень близко от императора, в самом доверенном его окружении. Одно неосторожное движение – и государя обнаружат поутру с кинжалом в горле. А до кучи подставят и меня.

Император наверняка знает о том, что против него идёт война. Что его пытаются ослабить. Развязать открытый конфликт между чёрными и белыми магами, сместить главу государства с престола, заставить самую могучую империю в мире увязнуть в собственных проблемах. Он просто не может этого не знать! Рядом с тем, кто по-настоящему силен, всегда будут завистники и шпионы. Но это однозначно не та тема, которую император готов обсуждать со мной – посторонним, по сути, человеком. Он ведь, ко всему прочему, считает меня несовершеннолетним...

– Империи ещё предстоит пройти через тёмные времена, – словно подтверждая мои мысли, глухо проговорил император. – Мои прорицатели твердят об этом в один голос. Но благодаря таким людям, как вы, господин Барятинский, мы всё преодолеем.

– Это честь для меня, ваше величество, – сказал я, вытянувшись по стойке смирно.

Император улыбнулся.

– В знак моего расположения, позвольте вручить вам небольшой подарок. – Он раскрыл ладонь. Я увидел чёрную бархатную коробочку. – От души надеюсь, что эта безделушка никогда вам не пригодится. Однако жизнь наша полна неожиданностей, в ней бывает всякое. Я знаю, Константин Александрович, что тьма пытается взять над вами верх. Знаю, что вы с этим боретесь, и знаю, как тяжела эта борьба. Вы ещё очень молоды, но уже успели избрать свой путь – трудный и полный опасностей. Если случится так, что когда-нибудь вам пригодится мой подарок, буду рад, что сумел помочь – хотя бы косвенно. Эта вещица – аккумулятор чёрной энергии, штучная работа. Аккумулятор довольно мощный, приблизительно десятого уровня. Поэтому прошу вас соблюдать при использовании осторожность.

– Благодарю, – принимая коробочку, только и сумел сказать я. Из сопроводительных слов, честно говоря, мало что понял.

– Не стоит благодарности. Это самое меньшее, что я могу для вас сделать.

Налетел ветер, и фигура государя стала белой, рассыпалась на мириады снежинок. Их унесло прочь. Я обалдело повернул голову, но уже ничто не напоминало о присутствии в парке монаршей особы.

– Вот что значит двадцатый уровень, – пробормотал я.

Раскрыл коробочку. Внутри, на белом бархате, лежала чёрная жемчужина.

После отбоя, дождавшись, пока за перегородкой уснёт Мишель, я прилёг на пол посреди комнаты и достал коробок спичек. Зажёг одну и прочитал заклинание.

К этому ощущению, наверное, невозможно привыкнуть. Как будто начинаешь спускаться на сверхскоростном грузовом лифте. Я не вскрикнул, но ударился чувствительно, внутренности ощутимо взболтало.

– Три секунды, чтобы назвать причину не испепелить тебя на месте, – послышался тихий голос.

Я приподнял голову и увидел Кристину. Она лежала на кровати, целомудренно укрытая одеялом, и держала в руках книжку. На этот раз – Фридрих Шиллер, пьесы. Светильником госпоже Алмазовой служила висящая над головой шаровая молния. Молния угрожающе искрилась. Испепелит или нет – это ещё большой вопрос, но что не пощекочет – уж точно.

– Все скажут, что ты сделала это из зависти, потому что отчаялась обогнать меня в учёбе, – прокряхтел я, поднимаясь.

Кристина злобно зыркнула, опустив книгу.

– Послушай, Барятинский, ты что себе позволяешь?! Ты вообще понимаешь, как это выглядит?!

– Выглядит – это когда кто-то смотрит, – возразил я. – А мы тут одни. Подвинься.

– Че... чего?! – вытаращила глаза Кристина.

Я полюбовался на то, как она сначала бледнеет, потом краснеет. И только после этого великодушно сказал:

– Шучу. Я тут проездом.

Зажёг ещё одну спичку и, перегнувшись через кровать, положил руку на стену.

Кристина взбеленилась окончательно.

– Ты! Да как ты смеешь?! Моя комната тебе – проходной двор, что ли?!

– О, – спохватился я. – Прости. Ты, верно, думала, что я пришёл к тебе.

Кристина задохнулась. Мне показалось, что она сейчас заплачет.

– На обратном пути пообнимаемся, – подмигнул я ей. – А теперь – прошу меня извинить. Неотложные дела.

Я скороговоркой пробормотал заклинание и кувырком перелетел через кровать Кристины.

Ну а что мне ещё оставалось? Зима, за окном всё обледенело, падать не очень хочется. К тому же откроешь окно – все сразу почувствуют поток ледяного воздуха. Закрывать же его я снаружи не сумею основательно. В коридоре то и дело шныряют наставники. Вот и приходится пользоваться тем, что даёт нам бог. Ну или кто там...

Хотя, может, Косте Барятинскому просто хотелось взбесить Кристину. Тоже вполне себе довод в пользу такого поступка.

Из корпуса я выбрался без проблем и, короткими перебежками, от тени к тени, пробрался к воротам. Те были заперты, пришлось перелезть. Как только я спрыгнул с той стороны, за спиной раздался сильный голос:

– Кошелёк или жизнь?!

Я спокойно повернулся, смерил взглядом грузную фигуру.

– Ну, давай для начала кошелёк, а там посмотрим.

Федот захихикал:

– Умеете вы, ваше сиятельство, шутку подхватить! Уважаю-с.

– Чего сипишь-то? – спросил я. – Давно мёрзнешь?

– Да вот угораздило простуду подхватить. – Федот чихнул. – А подъехали мы всего минут пять как. Извольте со мною – вон туда. Мы там – неприметненько.

– Ну так а чего сам-то поехал? – спросил я, следуя за Федотом. – Сидел бы дома, чай с малиной пил.

– Да как же я, своего уважения-то не засвидетельствовать, – всплеснул руками Федот.

Машину водитель загнал едва ли не в сугроб. Сам стоял рядом и курил папиросу – очень неприметно, ага. Вот таких гениев снайперы валят на раз без всяких инфракрасных прицелов.

– Ну-ну, – только и сказал я.

Федот открыл дверь, я сел в начавший остывать салон. За руль вернулся молчаливый водитель, а рядом со мной, кряхтя, влез Федот. Зачихал и запустился двигатель, машина выползла на дорогу.

Вообще, я планировал эту свою вылазку в субботу ночью, когда приеду навестить семью. Но меня вдруг посетила неприятная мыслишка. То, что я, как киношный супергерой, по выходным приезжаю в город и совершаю подвиги – это, конечно, здорово. Но если мои враги – могущественные чёрные маги, то они легко могли эту схему срисовать. И устроить за мной слежку по выходным.

Вот я и решил смотаться на разведку в неуточное время. Федоту же я мог доверять как минимум в плане умения обнаружить хвост. Если на своей должности до таких лет дожил – значит, подобные задачки как орешки щёлкает.

– Вещи? – спросил я.

– В багажнике, – махнул рукой назад Федот. – Только, ваше сиятельство, поверьте старому негодю – неладное дело вы затеяли. Место это и днём-то – перекреститься да забыть. А уж ночью...

– Я тебя туда лезть не прошу, – перебил я. – Просто довези. И подожди, как условились.

– Так не за себя, не за себя ведь душа болит! – Федот прижал руку к сердцу. – За вас переживаю! Вы, вон, только жить ведь начинаете. Такая светлая дорога перед вами расстилась. С самой великою княжною вальсировать изволили...

Я, не выдержав, расхохотался. Ну да, об этой стороне дела даже не подумал. А ведь действительно: акции Федота стремительно рванули вверх. Теперь он не просто дружит с аристократом из Ближнего круга, но с аристократом, который, можно сказать, приближенный императора.

Хотя, справедливости ради, Федоту я и впрямь должен. Он меня выручал неоднократно, а всё, что для него сделал я – отмазал от Юсупова-старшего. Который из-за меня же против Федота и ополчился...

– Ладно, говори, чего хочешь, – сказал я.

Федот покосился на водителя, но, видимо, решил, что ковать железо лучше, пока горячо.

– Дак, видите ли, ваше сиятельство, какая песня... Хочу, понимаете, в люди выйти. Мечта жизни, можно сказать...

– Дворянство личное, что ли? – догадался я.

– Потомственное-с, – быстро возразил Федот.

– Потомственное-то тебе зачем? – удивился я. – Ты ведь даже не женат.

Федот как-то грустно на меня посмотрел, вздохнул:

– Что ж, ваше сиятельство, правда ваша: не женат. И не молод. Но всё ж человеком остаюсь. И хотелось бы, знаете, старость встретить в кругу семьи. При супруге законной, с детьми, за которых душа покойна будет – что не пойдут по кривой дорожке, а станут уважаемыми людьми. Вы не подумайте, я знаю, что самого-то меня, как ни крути, на императорский бал не пригласят. Нагрешил-с, изрядно нагрешил. Ну так оно, ежели историей поинтересоваться, кто из нынешних благородных родов с чистыми руками начинал-то? Время – оно всё стирает. Может, не дети, но внуки мои уж точно не хуже других будут. А жениться – что? Жениться нашему брату – недолго. Мы, чай, не аристократы, дело нехитрое.

Я крепко задумался. Купить липовое дворянство было не так уж сложно, но и попасться на этом – куда проще. Федот же хотел сделать всё по закону. Значит, из всех путей, ему оставалось лишь два: выслужить какой-нибудь серьёзный орден, либо – пожалование дворянства личной милостию императора.

Представив, как я обращаюсь к императору с подобной просьбой, я погрузился. Не поймёт государь юмора, ох, не поймёт...

– Скажете чего, ваше сиятельство? – смущённо просипел Федот.

– Я тебя слышал, – сказал я. – Подумаю. Но имей в виду – скорее всего, придётся поработать.

– А это мы – люди работающие, – осклабился Федот. – Отродясь работы не чурались.

Выглядел завод и вправду мрачно и мёртво. Ни одного огонька не светило за высоким забором – это мы ещё издали разглядели. Федот приказал водителю остановиться поодаль. Казалось, что город вокруг завода вымер. Вроде как промзона, но видно, что заброшенная и нерабочая. Заборы разрушенные, цеха пустые, с выбитыми окнами.

– Гиблое место, – сказал Федот.

– А по окрестностям шерстили? – спросил я.

– Обижают, ваше сиятельство. Всё вокруг извели, что могли.

– Никого?

Федот молча покачал головой. Видно было, что ему самому тут сильно не по себе. И вправду, от местечка этого, особенно ночью, веяло потусторонней жутью. Мне ещё было хорошо – я видел в темноте лучше кошки.

– Ладно, – сказал я и открыл дверцу. – Пойду, гляну.

Водитель без приказа вышел наружу одновременно со мной. Открыл багажник и молча отступил в сторону. Я расстегнул лежащий там саквояж, достал полевую форму, заказанную в ателье месье Кардена, принялся переодеваться. Целую схему пришлось сочинить, как передать одежду Федоту. С использованием Вовы и Нади, само собой разумеется. Но я сумел всё это устроить по телефону из академии.

– А личину-то что ж, менять не будете? – участливо спросил Федот, тоже выбравшийся из машины.

– Ни к чему, – ответил я. – Не те люди там сидят. Если Вишневого прибрали – значит, догадались, кто под них роет. А если до сих пор не нанесли удар – значит, либо им плевать, либо что-то задумали.

Ну и ещё один крохотный нюанс – я не умею менять личину. А завалиться среди ночи к Наде с такой просьбой... Нет, ну можно, конечно. Мало ли, какие я амурные предприятия проворачиваю. Но всё равно лучше не надо. Попадусь ещё на глаза кому-нибудь, оправдывайся потом...

– Да и вряд ли там сейчас кто-то есть, – сказал я. – Сам же говорил – не входит никто, не выходит. Трубы, вон, не дымятся даже.

– Дак они – временами, – пробормотал Федот, щуря глаза. – То дымят, то не дымят. Хотя я, признаться, и труб-то почти не вижу.

– Ничего. Главное, что я вижу... Оружие?

– Там же, дно второе откройте-с в саквояжике.

– Ага.

Я приподнял фальшдно, оценил имеющийся там арсенал. Взял пару револьверов.

– Хватит вам? – засомневался Федот.

Видно, о том, как мы в прошлый раз брали завод, ему рассказывали в красках.

– Ну, если этого не хватит – значит, и миномёта будет мало, – усмехнулся я и захлопнул крышку багажника. – Не на войну иду. Просто хочу осмотреться.

Я подошёл к передней пассажирской двери, открыл её, вытащил резиновый коврик. Придирчиво осмотрел его, встряхнул и свернул в трубочку.

– Ну, с Богом, – перекрестил меня Федот. – Полчаса ждём, после – уезжаем. Верно, ваше сиятельство?

– Верно, – кивнул я. – Всё, время пошло.

И, резко сорвавшись с места, побежал к заводу. Обмундирование, заказанное у Кардена, больше годилось для летних ночей, чем для зимних, и стоять на месте было холодно.

Я заранее положил себе условие: обойтись без магии, если дело не дойдёт до прямых конфронтаций. Если детекторы магии есть в Академии и у деда, то у серьёзных людей, творящих всякую гнусь, они просто по определению обязаны быть.

Добежав до стены, я моментально наметил маршрут по едва заметным неподготовленному взгляду выщерблинам и неровностям. Подпрыгнул, зацепился, оттолкнулся, подтянулся и – бросил резиновый коврик поверх колючей проволоки. Перевалился через него, оценил обстановку внизу – рыхлый снег.

Плохо... В снегу может быть закопано что угодно. Но лично я, если бы ставил капканы или растяжки – делал бы это прямо под забором, там, куда будет спрыгивать злоумышленник. Значит, действовать надо не так, как ожидают от тупого злоумышленника.

Я перегнулся через коврик, зацепился руками за край забора, резко кувырнулся вперёд, будто пытаюсь скатиться вниз. Прежде чем спохватилась гравитация, оттолкнулся от забора ногами, прыгнул вперёд. Ещё один кувырок в полёте – и вот я приземлился по колено в снегу в добрых трёх метрах от забора.

– Как два пальца, – выдохнул я с облачком пара и огляделся.

Территория завода была безлюдна. Собаки на меня тоже ниоткуда не кидались. И достаточно было бегло окинуть взглядом снежные заносы, чтобы понять: как минимум сутки тут никто не ходил. Не такой уж сильный снегопад.

Я двинулся вдоль стены здания – единственного на этой территории. Старался ступать бесшумно и прислушивался к гробовой тишине. Нашёл занесённую снегом металлическую дверь, скользнул к ней. Потянул за ручку – заперто.

– Ладно, – выдохнул я и поднял взгляд кверху.

Надо мной тянулся ряд зарешеченных окон со старым и мутным стеклом.

Я поставил ногу на ручку двери, подпрыгнул и схватился за решётку ближайшего окна. Уперся ногами в стену и что есть силы рванул назад.

С тихим, но в этой мрачной тишине показавшимся оглушительным шумом решётка вылетела из подгнивших старых кирпичей.

Приземлившись на ноги, я отбросил решётку и повторил маневр, только теперь закрепился на подоконнике. Совершенно некстати мелькнула мысль: «И этот человек жаловался, что не может выбраться через окно из комнаты! Скажи уж честно, просто хотелось лишний раз заглянуть к Кристине».

Впрочем, я тут же отмахнулся от этой мысли. Кристина осталась в другой жизни, как и все остальные. Сейчас есть только я и этот чёртов завод.

Пару мгновений я потратил, вглядываясь сквозь мутное стекло в недра завода. Окно принадлежало к одному из цехов – пустой коробке, где, наверное, некогда стояли станки. Сейчас – ни души, ни движения.

Ну что ж... Момент истины.

Я саданул по стеклу локтем. С печальным звоном осколки осыпались внутрь. Я спикировал на пол одновременно с последним из них, метнулся к открытой двери. Вернее – к пустой дверной коробке, единственному выходу из цеха. Прижался к стене, затаил дыхание.

Тишина. Никто не нёсся меня убивать, не было слышно недоуменных переговоров. И вдруг я заметил на стене – той, что с окнами, – знаки. Они выглядели, как в банальных ужа-

стиках о призывах нечистой силы. Круги, вписанные в них звёзды и треугольники с какими-то надписями. Не русский, не латынь, не английский и не французский – всё, что я мог о них сказать.

Глава 3. Хобби

Сосчитав до десяти, я достал один из револьверов, взвёл курок и вышел из цеха в коридор. Пять минут мне потребовалось, чтобы понять: завод пуст. Здесь не то что не было людей, здесь вообще ничего не было. По крайней мере, на первом этаже. Ни одного станка, ни даже ржавого болта на полу.

Зато на стенах повсюду красовались пентаграммы и прочие таинственные «узоры». Мысленно я выругался – чуть ли не впервые с тех пор, как попал в этот мир, пожалел о его недостаточном развитии. Будь у меня сейчас нейроимплант... Да хотя бы смарт-очки, или самый дешёвенький телефон! – и я бы смог сделать снимки. Потом показать их кому-нибудь. Хоть тому же деду. Или самому поискать – библиотека в Академии обширная, наверняка что-то подобное найдётся.

Кстати, в моём родном мире я бы смог не только сфотографировать эти символы, но и тут же прогнать их по сети. Найти соответствия и за пару минут узнать вообще всё, что мне требовалось!

Ладно. Постараюсь хотя бы запомнить эти круги. Фотографическую память я в себе-прошлом развил весьма успешно. Однако там это, опять же, имело чисто практический смысл: я мог при помощи нехитрых технологий выгрузить воспоминания на накопитель в виде файлов, а потом – распечатать их. Здесь же всё равно придётся повозиться. Плюс, я не уверен, что фотографическая память сработает в мозгу Кости. Он, конечно, уже начал перестраиваться, но там ещё работы – вагон.

Так, сканируя взглядом стены, я прошёлся по первому этажу и добрался до лестничной клетки. Ступеньки вели и вверх, и вниз. Я заколебался, выбирая, и вдруг заметил внизу, у основания лестницы, какой-то предмет.

Шагнув ближе, почувствовал, как сердце на миг замерло.

Почти у самой двери в подвал – она была приоткрыта – лежал чемодан. Знакомый до дрожи. С таким чемоданом ходил Вишневский.

Нет, – понял я, спустившись, – не с таким, а именно с этим! Вот и монограмма на золочёной пластине...

Я осторожно открыл чемодан – пусто. Ни соринки, ни единой паршивой бумажки. И что это значит? Случайно обронили? Оставили, как знак?

Положив чемодан, я открыл дверь в подвал – та мерзко закрипела. Внизу, за дверью, начинался самый настоящий мрак. Там не было даже пыльных окон. Никто в здравом уме не пошёл бы туда без фонарика.

Вернее... любой маг сотворил бы магический свет, прежде чем пойти. И, скорее всего, на магию там и стояла ловушка.

Мне же потребовалось лишь несколько секунд, чтобы глаза перенастроились на самый серьёзный режим. Я увидел уводящие вниз ступеньки, увидел стены. Улыбнулся: как вам такое?..

И начал уверенно спускаться вниз, сжимая рукоятку револьвера.

Когда ступеньки закончились, я оказался в огромном зале с колоннами. Чувствуя себя персонажем компьютерной игры, двинулся вдоль стены, пытаюсь составить впечатление о размерах и назначении зала.

На стенах, колоннах и на полу живого места не было от всё тех же символов, которые я про себя назвал сатанистскими. Но больше – ничего. Абсолютно пустое помещение.

Пустое помещение с кучей колонн, за каждой из которых может таиться враг... Ох и велик соблазн воспользоваться Щитом! Но я всё ещё не верил, что мне не оставили сюрприза, завязанного на магию.

В конце-то концов, я же сам сказал, что цель у меня – разведка, а не война...

И вдруг я замер. Посреди зала кто-то стоял.

Ствол моего револьвера смотрел прямо в грудь замершей фигуре. Фигура не шевелилась, я – тоже.

Выждав секунд десять, я начал медленно двигаться навстречу фигуре. Проходя каждый новый ряд колонн, быстро оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что меня не собираются атаковать с флангов. Но зал по-прежнему был пуст, если не считать этой странно неподвижной фигуры.

Подойдя ближе, я чуть не рассмеялся от облегчения. Это было просто чучело. Соломенное чучело. Но что оно делает в подвале завода?!

Лица у чучела не было, однако на груди висел на верёвке белый мячик, испачканный чёрной краской. На плечи чучела набросили куртку – в точности такую же, как на мне. А когда я обошёл чучело, то увидел сзади косу – сплетенную не то из ниток, не то из чего-то похожего.

– И что это ещё за вуду-извращения? – в голос произнёс я, почувствовав, как жуть уступает место раздражению. – Я должен испуга...

Я не договорил, потому что взгляд мой опустился, и я увидел то, что стояло на полу за чучелом.

«Авиационная бетонобойная бомба, – мелькнуло у меня в голове. – Российского производства. Модель АБ-117 или АБ-117Б, они внешне практически идентичны...»

– Сука! – выдохнул я и, развернувшись, бросился бежать.

Я не знал, как бомба может сдетонировать, не знал, собирается ли она в принципе этим заниматься. Знал лишь одно: стоять и ждать не собираюсь.

Я успел взлететь по ступенькам наверх и броситься к двери, когда пол под ногами содрогнулся. Не думая уже о конспирации, я вынес дверь чёрной магией, прыгнул в дохнувший холл, на лету перевернулся и выставил перед собой Щит.

Завод превратился в груды летящих осколков, клубы огня и дыма. По ушам ударил адский грохот, а по Щиту заколотили куски кирпича и бетона.

Я закричал, чувствуя, как все мои контуры напрягаются сверх всякой меры, пытаюсь сдержать напор летящей на меня со всех сторон смерти. Упав в снег спиной, я почти сразу отключился.

Пришёл в себя от боли и холода. Болело всё, но больше всего – левое плечо. Приоткрыв глаза, я зарычал: сквозь левый бицепс прошёл обломок арматуры. Он так и торчал в плече. Я потянулся было к нему, потом спохватился. Вынимать нельзя. Костя Барятинский – не Капитан Чейн, привычный к боли. Если я сейчас снова отключусь от болевого шока, вытаскивать меня отсюда некому.

Впрочем, негативные ощущения быстро пересилила простая человеческая радость: я жив! И вслед за этой потрясающей мыслью полились в голову другие.

Убить хотели меня – об этом говорит чучело в моей одежде, с моей косой, с мячиком на груди, изображающим жемчужину. И меня совершенно точно хотели убить, а не напугать, иначе не положили бы в подвал такой мощи бомбу. Причём, если проанализировать то, что я слышал и чувствовал, выскакивая из завода, бомба была не одна. Возможно, даже в подвале их было больше, но я бы предположил, что несколько штук положили и на втором этаже. Всё-таки авиабомба – это авиабомба, она раскрывает свой потенциал, когда падает с огромной высоты, а не лежит спокойно в помещении. Поэтому, чтобы разворотить завод наверняка, лично я бы использовал несколько снарядов.

Итак, меня хотели убить. Хотели настолько сильно, что даже не пощадили заводское здание. «Производство», чем бы оно ни было, свернули и перенесли в другое место, а в цеху соорудили трусливую и подлую ловушку. К моему приходу готовились. Знали, что исчезнове-

ние Вишневого я просто так не оставлю. А это значит, что? Это значит, меня боятся. И не зря! Потому что после вот такого я их точно живьём сожру.

Раньше я действовал ради Империи и Клавдии, именно в таком порядке. Но теперь приоритеты изменились. За эти бомбы кто-то должен поплатиться.

Я, шипя сквозь зубы от боли, поднялся на ноги. Кости целы, артерии не задеты, даже рана почти не кровит. По счастью, арматура оказалась тонкой и без куска бетона – просто оконную решётку разорвало на части, и обломок прута угодил в меня.

Кашляя, я окинул взглядом завод. Собственно, никакого завода передо мной уже не было, была лишь груда дымящихся развалин. Даже забор не устоял... Тут почему-то у меня в голове мелькнула скорбная мысль о резиновом коврик из машины Федота – опять у него из-за меня сплошные убытки, даже жалко мужика.

Я сплюнул, поймав себя на такой дурацкой мысли, и понял, что звука плевок не слышу. И вообще, не слышу ничего – лишь своё размеренное сердцебиение. Неслабо контузило, давно такого не было... Впрочем, это у Капитана Чейна давно не было, у него организм и не к такому привык. А вот тельце Кости Барятинского ещё немного нервничает. Ну ничего, какие наши годы. Наловчимся и мы авиабомбы на завтрак жрать, запивая нитроглицерином...

Ладно. Что совершенно точно понятно – так это то, что отсюда надо валить, и чем скорее – тем лучше. Пока я не могу толком оценить, насколько сильно переохладился, валяясь на снегу. Судя по кучности дыма над обломками, пролежал не дольше нескольких минут. Но тут ещё контузия, ранение, кровопотеря... В общем, мне срочно нужно попасть в тёплое место, где какой-нибудь надёжный человек вытащит из меня арматуру и заштопает дырку. А я знаю только одно такое место и одного такого человека. Но поскольку Федот наверняка, увидев фейерверк, слинял (если не слинял, то я буду сильно сомневаться в его адекватности) – добираться до клиники баронессы Вербицкой придётся на своих двоих. Та ещё задачка...

Повернувшись, я замер.

Сирены, должно быть, надрывались вовсю, и делали это уже давно. Но слух у меня пропал начисто – поэтому приближение с тыла осталось незамеченным. И я даже упрекнуть себя в этом не мог. Конечно, в таком состоянии меня можно было брать голыми руками.

На частично заваленном обломками заснеженном пятаке перед ныне несуществующим заводом встали, одна за другой, три кареты скорой помощи. Фельдшеры и врачи высыпали наружу и смотрели на меня, разинув рты.

Впереди всех стояла Клавдия. Бледная, с широко раскрытыми глазами. Её губы шевельнулись. Я угадал по их движению: «Костя».

Улыбнулся и взмахнул здоровой рукой.

– Сюрприз! – сказал я и сам себя не услышал. Наверное, слишком громко сказал – все вздрогнули.

От носилок я категорически отказался. В «скорую» влез сам. Сидел там рядом с Клавдией, которая держала меня за руку. Поскольку кроме меня потерпевших не оказалось, весь прочий медицинский отряд развернулся восвояси. Пока мы ехали, мимо нас пронеслось несколько экипажей с мигалками другого рода. Полиция зашевелилась... Ну и хорошо, пусть делом займутся. Главное, что меня на месте происшествия не застанут.

В клинике Клавдия провела меня в смотровую и закрыла дверь. Я прилёг на кушетку. В голове шумело, хотелось спать. Ещё и тошнота подкатила. Руку с торчащей из неё арматуриной пристроить получилось с трудом.

Клавдия подошла ко мне. Разрезала рукав, осмотрела повреждения, смерила взглядом ржавый прут. Что-то сказала. Я опять попытался прочитать слова по её губам.

– Хочешь распилить?

Клавдия кивнула.

– Не надо. Просто вытяни.

«Будет очень больно», – угадал я по губам. И, не удержавшись, фыркнул:

– Больно, Клавдия Тимофеевна, это влюбиться безответной любовью. А железку из плеча выдернуть – это так, смех один.

Клавдия чуть покраснела, но решилась. Взялась обеими руками за конец арматуры. Посмотрела на меня, будто надеялась, что я скажу: «Шутка!» Но я кивнул. И Клавдия, поджав губы, дёрнула.

Вспышка боли была ярче солнца. Я сдержал крик, ограничился рычанием сквозь стиснутые зубы. И даже, вопреки опасениям, не потерял сознание. Клавдия выронила окровавленный прут, уложила меня на спину и распростёрла надо мной руки.

– Не на... – попытался было я сказать, чтоб она не тратила сил на ерунду, а просто затянула рану. Но было поздно.

С непередаваемым ощущением из меня исторглось моё энергетическое тело. Я мог лишь лежать и созерцать его. Ну да, вот – чакры, вот магистральные каналы. Теперь-то я понимаю, на что смотрю, и для меня всё это – не хаос.

Как и сообщалось в учебнике, на схемах не приводятся все капилляры, это было бы просто невозможно. Вернее, такие учебники есть, но они – для целителей, вроде Клавдии. И учебники эти насчитывают десятки томов.

Клавдия с видимой лёгкостью ориентировалась в энергетических капиллярах. Сначала она что-то переместила в районе сердца, и я почувствовал, как оно забилось быстрее. Потом перешла к голове. В голове прояснилось, откатилась сонливость, улеглась тошнота. А потом я услышал своё дыхание и дыхание Клавдии. Слух вернулся.

Рану она оставила напоследок. Сначала крохотное отверстие исчезло в энергетическом теле – и тут же исчезла боль. Потом появилось тянущее ощущение в бицепсе. Я не мог ни пошевелиться, ни скосить взгляд, но догадался, что это затягивается физическая рана.

Как только это ощущение улеглось, Клавдия с облегчением выдохнула и опустила моё энергетическое тело. На миг я почувствовал, будто меня переполняет. Закашлялся, потемнело в глазах.

– Тише, тише... – коснулись лица тёплые ладони. – Теперь тебе нужно поспать...

– Нет, – мотнул я головой и сел. – Давай... Давай лучше выпьем чаю.

Клавдия смотрела на меня с сомнением.

– Да жив я, жив, – усмехнулся я. – Изнутри бы прогреться. А потом такси вызову, мне нужно до подъема вернуться в Академию.

– В Академию? – изумленно переспросила Клавдия. – Костя, ты, должно быть, ещё не в себе! Ты пережил серьёзное ранение. Контузию...

– Ну, пережил ведь, – пожал плечами я.

– Что там произошло? – Клавдия пытливо смотрела на меня. – Скажи на милость, почему вокруг тебя постоянно что-то рушится? То башня, то театр, а теперь – целый завод!

– Понимаешь, Клавдия... – Я поймал её за руки и нежно сжал их. – У человека должно быть какое-то хобби.

– Хобби! – Клавдия рванулась было прочь, но я удержал. Всклипнула. – Костя, это не шутки! Ты чуть не погиб! Что ты делал на этом заводе?

– Пытался выяснить, что происходит в Чёрном Городе, – честно сказал я. – Ну, все эти таинственные болезни, знаешь...

Клавдия побледнела:

– То есть... Это из-за меня?..

– Ну-у-у, пошло-поехало, – поморщился я. – Взрослые люди всё делают ради себя – договорились? Если я что-то сделал – значит, сам так решил. Значит, так надо было.

– Ты – даже не взрослый человек! – выпалила Клавдия.

– Вот это внезапно, – озадачился я.

– Ты... И я... Я сама не понимаю, что творю! – Из глаз Клавдии брызнули слёзы. – Давно хотела поговорить с тобой об этом, но... Это всё работа, этот постоянный стресс, я вечно сама не своя...

– Ну и со сколькими ты переспала за последний год?

От так жёстко поставленного вопроса Клавдия содрогнулась. Однако ответила – правда, опустив взгляд:

– Ты – единственный...

– Тогда и нечего валить на стресс. Давай, наконец, займемся делом. Бери у меня энергию. Теперь мне пришлось приложить серьёзное усилие, чтобы её удержать.

– Костя, да ты и впрямь повредился в уме! – возмутилась Клавдия. – Я не могу сначала вылечить тебя, а потом у тебя же забрать энергию!

– Это медицинская этика?

– Н-нет...

– Ну тогда не пори чушь. Да, физически меня потрепало, но энергетически я в полном порядке. Мои каналы ты только что видела. Бери, говорю! А то обижусь.

Последнее, как ни странно, сработало. Клавдия сдалась.

– Это неправильно, – сказала она.

Мы лежали вдвоём на узкой кушетке. Поместиться рядом могли только на боку, и я обнимал Клавдию сзади. Моя левая рука лежала на её животе, ощущая, как успокаивается дыхание.

Девушка, которая младше меня лет на пятнадцать, переживает из-за того, что я моложе её на два года... Засмеялся бы, да лень.

– Я даже не понимаю, как ты ко мне относишься, – пожаловалась Клавдия.

– А как ты сама ко мне относишься?

– Это я ещё меньше понимаю...

– Ну так, может, и не надо в этом копать? Нам хорошо вместе, на том и остановимся.

Судя по тихому счастливому вздоху, Клавдия со мной согласилась. Но долго наслаждаться обществом друг друга нам не дали. Кто-то постучал в дверь, робко и деликатно.

– Да? – Клавдия резко приподнялась на локте. Я провёл пальцем по её спине, от самой шеи донизу, считая позвонки.

– Клавдия Тимофеевна, там какие-то господа из полиции... – донеслось из-за двери.

Глава 4. Господин Витман

– Господа из полиции? – опешила Клавдия.

Это явно был какой-то оксюморон.

– Может, и не из полиции, но очень серьёзные, и они... они спрашивают господина Бярятинского.

– Я почти закончила, скоро придём, – сказала Клавдия и начала одеваться.

Проделала это, как обычно, в мгновение ока – я едва успел потянуться за одеждой, а она уже стояла у кушетки в халате, застегнутом на все пуговицы.

– Теперь ещё и полиция, – пробормотала бледная Клавдия. – Господи боже мой, Костя, что происходит?

– Уверен, что ничего страшного, – отозвался я, натягивая пыльные штаны. – Было бы что серьёзное – они бы уже ворвались сюда.

Клавдия негодуяюще сдвинула брови.

– Я даже не представляю, что нужно сделать, чтобы какие-то полицейские позволили себе ворваться в мою клинику!

– Я представляю, – вздохнул я. – Слушай, а у тебя халата лишнего не найдётся?

Клавдия посмотрела на мою куртку с разрезанным рукавом. Кивнула и выскользнула из смотровой сквозь дверь. Вернулась через минуту, протянула мне медицинский халат.

– Великолепно, – надев халат, сказал я. – Мы теперь считай что коллеги.

– Да мы уже давно коллеги, – вздохнула Клавдия.

– Ну тогда у меня есть просьба – помоги, как коллега коллеге. Можешь припрятать на время вот этих ребят? – Я показал на пару револьверов, лежащих на стуле.

Клавдия, которая час назад сама же их туда и положила, теперь будто впервые увидела. Охнула, побледнела ещё больше, но кивнула.

Двое «господ» ждали меня в кабинете Клавдии. И, как только мы с ней вошли – встали стеной перед нами. Наглухо застёгнутые шинели, непроницаемые лица.

– Чем обязан, уважаемые? – спросил я.

У них даже лица были похожими. Братья, что ли? Только у одного стрижка – короткая, а у другого волосы закрывали уши. Первый держал в руках каракулеву шапку с синим верхом, у второго руки были свободны. Он и сунул одну из них за пазуху.

– Медленно! – прикрикнул я, и в моей руке появилась святающаяся цепь. – Очень. Медленно.

Клавдия за моей спиной тихонько ахнула. Полицейские ошутимо напряглись, но видно было, что ребята не первый день жизнь нюхают. Тот, что с волосами подлиннее, медленно вытащил руку из-за пазухи и показал мне сложенный лист бумаги. Так же демонстративно медленно его развернул. Я скользнул взглядом по строчкам.

Бла-бла-бла, тайная канцелярия, господин Володарский... Ох ты ж! Тайная канцелярия. Высоко же меня занесло.

– Принято. – Я отозвал цепь. – Чем обязан, господин Володарский?

– Начальство очень просит вас, ваше сиятельство, приехать побеседовать, – подал голос коротко стриженный. Поклонился. – Просим прощения за нарушение спокойствия, уважаемая Клавдия Тимофеевна. Разрешите представиться: моя фамилия Песков. Ашот Песков, к вашим услугам. А мой друг, как вы изволили заметить, Степан Володарский.

– А сам ваш друг – немой? – спросил я.

– Вы, ваше сиятельство, чрезвычайно проницательны, – поклонился Песков. – Последствия контузии-с.

– Сочувствую, – кивнул я Володарскому. – К самому только слух вернулся.

Володарский едва заметно дёрнул уголком рта. То ли попытался улыбнуться, то ли дал понять, что, мол, не принимает сочувствий от кого попало.

– Послушайте, господа, разве это не может подождать? – Клавдия вышла у меня из-за спины и буквально закрыла своей грудью. Строго сдвинула брови. – Господин Барятинский – мой пациент! И ему сейчас более всего нужен покой. Покой и тепло! У него даже верхней одежды нет, я собиралась оставить господина Барятинского в клинике как минимум на ближайшие сутки.

– Одежда – это не беда, – засуетился Ашот, расстёгивая шинель. – Одежду мы его сиятельству мигом сообразим.

– Послушайте, ну это уже просто ни в какие ворота! – всплеснула руками Клавдия. – Я... Да я, как врач, просто запрещаю господину Барятинскому покидать клинику! Я – баронесса Вербицкая, в конце концов! За личные заслуги отмечена самим императором! Как вы смеете...

– Со всем глубочайшим к вам уважением, ваше сиятельство, – сгибаясь в поклоне, перебил Ашот, – род Барятинских вовсе занимает два места в Ближнем кругу-с. Поверьте, без великой на то нужды ни в коем разе не осмелились бы беспокоить. Не для собственного удовольствия мы тут-с, уж поверьте... Извольте, господин Барятинский.

– Всё нормально, Клавдия Тимофеевна, – сказал я и накинул поверх халата шинель. – Не сердитесь на парней, они просто выполняют свою работу. А за халат не извольте беспокоиться, постараюсь вернуть вам его с ближайшей оказией. Или же лично, в воскресенье.

– Халат меня тревожит меньше всего! – холодно сказала Клавдия.

Хотя упоминание воскресенья её, кажется, немного успокоило.

Мне очень хотелось поцеловать Клавдию на прощание, чтобы закрепить этот эффект. Но я понимал, что не имею никакого морального права так поступать в присутствии посторонних. Поэтому просто кивнул и вышел в сопровождении господ Володарского и Пескова.

В машине я увидел новое для себя колдовство: стёкла были абсолютно непрозрачными изнутри. Не тонировка, это я подметил. Ну и явно не нанотехнологии из моего мира. Значит – магия, всё просто. От водителя меня отделяла перегородка, а через стёкла я ничего не видел. Поэтому просто молча сидел и на всякий случай считал повороты и расстояние, исходя из предполагаемой скорости. Володарский сидел слева от меня, Песков – справа.

– Ничего даже не спросите-с? – осведомился Песков.

– Там, куда мы едем, мне всё объяснят, полагаю, – ответил я. Песков мешал слушать дорогу.

– Обычно даже взрослые люди нервничают, вопросы задают...

– И что же? Им это как-то помогает?

– Не то чтобы-с...

– Вот именно.

Песков заткнулся, а я продолжал запоминать дорогу. Пока мог сказать одно – из Чёрного Города мы выехали. А дальше уже нужно будет работать с картой, так я ничего наверняка не скажу.

Примерно через полчаса машина остановилась, и сопровождающие зашевелились. Володарский повернулся ко мне, Песков открыл дверь, выбрался в предрассветный полумрак и сказал:

– Прошу, господин Барятинский.

Я вышел. Окинул взглядом мрачное каменное здание. Три этажа, почти все окна ярко освещены – внутри кипит работа.

Песков открыл передо мной тяжёлую дверь. Войдя внутрь, я оказался в просторном вестибюле, отделанном мрамором. Двое сопровождающих не отставали. Мы поднялись на вто-

рой этаж. Там из кабинета в кабинет сновали люди, не поднимая глаз от бумаг. Я поморщился – никогда не любил бюрократии. Даже в электронном виде она представляла собой сущий ад.

В кабинете, куда меня препроводили, я оказался один. Песков с извинениями забрал свою шинель и удалился. Дверь запирать не стал – продемонстрировал уважение и доверие.

Я откинулся на спинку стула, зевнул. Два стула и небольшой столик стояли посреди практически пустого кабинета. У одной из стен стоял шкаф, забитый пухлыми картонными папками. Рядом со шкафом висела чёрная доска, на которой мелом было написано:

«Настоящія мужчинъ всѣгда дѣржать своё слово».

Я улыбнулся краем рта. Нет такой мудрости, которую нельзя было бы использовать в качестве гнусного инструмента для манипуляций.

Открылась дверь, вернулся Песков с чашкой кофе на блюдечке. Поставил передо мной.

– С сахаром? – спросил я.

– Без, – осклабился Ашот. – Обижаете, господин Барятинский, мы тут не спустя рукава работаем-с.

Я с уважением кивнул, пригубил кофе. Приятно оказаться в руках профессионалов. Если они ещё и завтрак состряпают под мои запросы – спрошу, нет ли в этом славном заведении вакансий.

– Итак-с, господин Барятинский. – Песков вытащил из шкафа одну папку, посмотрел на неё, кивнул и вернулся к столу. – Позвольте осведомиться: что вы в такой поздний час делали на заброшенном заводе?

– Гулял, – сказал я, рассеянно глядя на Пескова через клубы поднимающегося от чашки пара. – Достопримечательностями любовался.

– Вот как? – улыбнулся Песков. – Достопримечательностями-с? В Чёрном-то городе?

– Мои вкусы весьма специфичны, – пожал я плечами, в душе наслаждаясь сценой.

Что самое интересное, я не солгал. И вправду проник на завод исключительно с целью осмотра.

Песков раскрыл папку, держа её так, чтобы я не видел. Пошелестел бумагами.

– Да пустые они, – вздохнул я.

– Простите-с? – вскинул на меня очи Песков.

– Бумажки в вашей папке – пустые, – пояснил я. – Ну, или черновики натолкали. Можно подумать, у вас дела просто так в незапертом кабинете хранятся... Ладно. Давайте так: я скажу вашему начальству, что вы на меня произвели неизгладимое впечатление, а вы побыстрее перейдёте к сути. К семи часам утра мне нужно вернуться в Академию. – Тут я посмотрел в окно и поморщился. Небо светлело. Шансы успеть к подъёму таяли на глазах. Закончил: – Ну или хотя бы позвонить в ректорат.

– Всем, кому нужно, позвонят-с, не волнуйтесь. – Песков, явно погрузнев, захлопнул папку и отодвинул на край стола. Прищурившись, уставился на меня. – Мы давно за вами приглядываем, господин Барятинский. Башню изволили разрушить на территории Царского Села. На другой день – странная история с пожаром в театре. Теперь вот – завод.

– А про загадочное ДТП на трассе вы не догадались?

– Дэ-тэ... Что, простите? – обалдел Песков.

– Ну, там, где грузовик был всмятку. А за рулем сидел голем, сделанный из смолы... Убить меня пытаются, уважаемый Ашот Песков. Давно и настойчиво.

– Вот как? И кто же-с? – подался вперёд Ашот.

– Думал, может, вы мне скажете, – пожал плечами я. – Вообще, грешил на не безызвестного вам Всеволода Аркадьевича Белозерова. Однако Белозерова вы забрали, а завод – взорвался. Подозреваемый у вас, часом, не сбежал? Это бы многое объяснило.

– При всём моём уважении-с, – криво усмехнулся Ашот, – относительно Белозерова – закрытая информация.

– Ну, значит, и мне больше сказать нечего, – пожал я плечами. – Гулял. Из любопытства забрался на территорию завода. Раздался взрыв. Я чудом уцелел.

– Может, подскажите, чем был спровоцирован этот взрыв?

– Подскажу, почему нет. В подвале – а скорее всего, не только там, – были установлены несколько авиационных бомб. Как именно установщики решали вопрос с детонацией, не знаю. Однако если ваши люди уже работают на развалинах – осколки бомб они точно найдут. Я не уничтожал завод магией, если вы пытаетесь намекнуть на это.

Ашот собирался что-то сказать, но тут дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет вошёл рослый черноволосый мужчина в расстёгнутом пальто. От него дохнуло холодом – видимо, сразу с мороза бегом поднялся сюда.

– Песков! – рыкнул он. – Я тебе что говорил?

– Да мы просто разговариваем, господин Витман, – улыбнулся Ашот. – Первое, так сказать, знакомство...

– Уйди с глаз моих долой! – махнул рукой Витман, подойдя к столу. Дверь за ним захлопнулась.

По лицу Ашота пробежала тень.

– Вы, господин Витман, при всем моём к вам уважении, извольте забываться-с! Я у вас не на побегушках!

– Уйди, Ашот! – немного изменил тон Витман. – Оставь нас. И скажи на милость, зачем нужно было вытаскивать господина Барятинского из больницы посреди ночи? Что за срочность такая?

– Дак... Взрыв же, – пробормотал Ашот.

– На заброшенном заводе, – напомнил Витман. – При взрыве никто не пострадал.

Ашот нехотя встал, и Витман уселся на его место.

– Подожду снаружи, – буркнул Ашот и вышел.

Дождавшись, пока за ним закроется дверь, Витман перевёл взгляд на меня. Заговорил совсем другим тоном:

– Прошу, примите мои извинения, господин Барятинский. Ребята немного переусердствовали. А меня не сразу поставили в известность...

– Вы – добрый полицейский, да? – участливо спросил я.

– Кто – я? – удивился Витман. Как мне показалось, вполне искренне. Даже развеселился. – Я вас умоляю, Константин Александрович, не скажите так больше никому! Как известно, нет ничего, что столь долго зарабатывается и столь легко разрушается, как репутация. Прошу вас, не рушьте мою. Я, как утверждает либеральная пресса – воплощённое зло, трёхглавый пёс Цербер. Иными словами – глава тайной канцелярии. Чёрный маг Эрнест Михайлович Витман, к вашим услугам.

– Рад знакомству, – сказал я, приподнявшись и пожав протянутую руку. – Так что, теперь я могу быть свободен?

– Можете, – кивнул Витман. – Только я думал, вы не откажетесь поговорить чуть подольше. У нас с вами, как-никак, есть общие знакомые.

– Какие же? – Я отхлебнул кофе.

– Вместе с моей дочерью вы изволили ликвидировать антиправительственный заговор на территории Императорской академии.

Ко многому я был готов, но только не к этому. Поперхнулся кофе, закашлялся. Витман терпеливо ждал.

– Кристина?! – выдавил я.

Витман развёл руками:

– Как вы, вероятно, понимаете, афишировать эту информацию нежелательно. Я таким образом лишь демонстрирую вам своё глубочайшее доверие. – Он буквально сверлил меня взглядом.

Да уж, глубоко. Аж до печёнок. Что ж, это многое проясняет. В частности, почему Кристина, в её-то годы, уже в чине лейтенанта. Если, конечно, «лейтенант» – это не просто позывной для операции по отлову заговорщиков.

– Признаюсь, – продолжал Витман, – поначалу мы рассматривали вас лишь как досадную помеху. Очень уж настойчиво вы вмешивались в ход расследования. Однако в итоге именно вам удалось добиться успеха, спровоцировать заговорщиков на решительные действия. И вы же в результате раскрыли Белозерова.

– Медаль дадите? – осведомился я, взяв себя в руки.

– Если угодно, – пожал плечами Витман. – Мне позвонить в секретариат, чтобы начали готовить приказ?

– Спасибо. Как-нибудь обойдусь, – усмехнулся я. – Расскажите лучше о другом нашем общем знакомом. О Белозерове... Он дал вам ниточки к своим кукловодам?

– Увы, – поморщился Витман. – Белозеров погиб во время допроса.

– Лихо, – покачал головой я. – Пережали?

В глазах Витмана мелькнуло удивление. А я мысленно треснул себя по затылку. Глава тайной канцелярии – это тебе не Белозеров и не дуболомы-полицейские. Следи за тем, что говоришь, Капитан Чейн! Не выпадай из аристократического образа.

– Если мы говорим об одном и том же, то вы, боюсь, неверно поняли, – продолжая разглядывать меня, сказал Витман. – Мои люди вели допрос весьма гуманно. Однако мы уже не в первый раз сталкиваемся с магической блокировкой речи. Человеку просто не позволено сказать что-то важное. Белозеров попытался ответить на вопрос – и скончался на месте.

– Не в первый раз с этим сталкиваетесь, и всё равно подследственные умирают на допросах? – снова не сдержался я. – Вы, должно быть, шутите, господин Витман? Помнится, ваша дочь уверяла, что у чёрных магов нет чувства юмора.

– Экспериментируем, – развёл руками Витман. – Поверьте, сами не в восторге от ситуации. Тот же Белозеров ой как много мог порассказать.

– Да уж надо полагать, если ему поставили такую жёсткую блокировку, – буркнул я. – «Порадовали», конечно. А Кристина ещё переживала, что её за Рабиндраната... накажут. А у вас, как я посмотрю, вся канцелярия только на том и стоит: нет человека – нет проблемы. Белые маги-то хоть в штате имеются?

– Полагаете, сейчас я вам расскажу, есть ли у нас белые маги, сколько их, какого они уровня, какие посты занимают, а также назову имена и фамилии? – улыбнулся Витман. – Господин Барятинский, я вам, конечно, доверяю. Однако тайная канцелярия неспроста называется тайной.

«Ну хоть что-то», – вяло обрадовался я. А то уж было заволновался, что тут вместо серьёзной работы – детский сад. Впрочем, приподнявшееся было настроение быстро ухнуло обратно, с грохотом проломив дно.

– И всё же, Константин Александрович, что вы делали ночью на заброшенном заводе?

Я опустил голову, стараясь не показать всю ту бездну уныния, которая меня охватила. Ну есть во мне Костины юношеские гормоны, отвечающие за наивность. Надеялся я, что за той змеёй, которую ухватил за хвост, приглядывает кто-то помимо меня.

– Заброшенный, да? – с горечью произнёс я и придвинул к себе папку, оставленную Ашотом. – Бумага тут, как я видел, есть. Дайте карандаш, Эрнест Михайлович.

Глава 5. Сам дьявол

Витман против такого обращения с «делом» возражать не стал. Молча подал мне карандаш.

Я открыл папку. Наверху лежал лист с текстом, отбитым на машинке. Текст был перечёркнут крест-накрест. «Объяснительная записка», – прочитал я в середине. И дальше: «Я, ниже подписавшийся, третьего марта саго года воспользовался при задержании опасного преступника боевой магией сдьямаго уровня, в результате чаго при невыясненных обстоятельствах взорвался газовый баллон на близлежащем балконе...»

Дальше я читать не стал, про себя только посмеялся. Кто ж это, интересно, такой неуверенный? До последнего определиться не может, взорвался баллон при невыясненных обстоятельствах или же в результате применения магии. Потому, наверное, бумажку и списали в макулатуру.

Я перевернул лист и нарисовал на нём круг.

– Что это? – тут же спросил Витман.

– А какие у вас ассоциации? – буркнул я.

– Кружок, объединение, заговорщики...

– Вот видите. А белый маг сказал бы – «солнышко»... Не отвлекайте, пожалуйста. Художник из меня аховый, так хотя бы суть передать.

Я вписал в круг – треугольник, в треугольник – подобие извергающегося вулкана. Непонятные письмена набросал весьма условно. Парочку вроде помнил, остальные – хоть убей. Будь там латиница или кириллица – было бы, конечно, проще. Но, увы, неведомые хозяева завода мало позаботились о моём удобстве. Решили, что с меня вполне достаточно авиабомбы.

– Как вам? – Я перевернул листок и подвинул его к Витману.

Тот изучил рисунок внимательным взглядом и посмотрел на меня:

– Я не специалист, увы. Но специалисты по магическим кругам у нас есть.

– Хотите сказать, что это – магический круг?

– Предположительно, – кивнул Витман. – По крайней мере, очень похоже. Подобные круги используются для сверхвысокой концентрации магии. Что нужно, в свою очередь, для решения крайне специфических задач.

– Например?

– А где вы видели такой круг? – вопросом на вопрос ответил Витман.

– На «заброшенном» заводе, – язвительно сказал я. – Там от этих кругов места живого не было! И почему-то жители близлежащих окраин годами рассказывают друг другу легенды о том, что завод этот не такой уж и заброшенный. Что там люди пропадают. А из труб иногда дым идёт – хотя ни одного рабочего двадцать лет как нет. А наша тайная канцелярия об этом заводе – ни сном ни духом.

– Больно уж вы суровы, Константин Александрович, – сказал Витман. Улыбнулся – одними губами. Глаза продолжали внимательно меня изучать. – Видите ли. Наше ведомство занимается делами правительственного уровня. А тут – заброшенный завод в самой непрезентабельной части города...

– То есть, если бы заговор начинался не в Императорской академии, а в Чёрном городе – всё бы у ребят прошло как по маслу, да? – начал я злиться.

– Удивляете, Константин Александрович. В Императорской академии учится элита. Молодые люди, которые скоро будут ходить в Зимний дворец, как иные ходят на службу. Возможно, кстати, что именно на службу. А из Чёрного города государю – какая беда?

– А вы в курсе, что девятнадцатый век уже давно закончился? – сжал я кулаки. – Какая беда, спрашиваете?! Ну вот меня, к примеру, сегодня чуть не убили авиационной бомбой. То

есть, убить пытался кто-то, кто имеет к таким бомбам доступ. И если у него есть доступ к бомбе – может, у него есть доступ и к самолёту? А если так – то что мешает этому кому-то разбомбить тот самый Зимний дворец?!

Больше всего меня бесило то, что Витман совершенно не выглядел обескураженным. Наоборот, он, казалось, смотрел на меня со всевозрастающим любопытством.

– Вот не ошибся я в вас, – неожиданно весело сказал он. – Нисколечко не ошибся! Правда ваша, Константин Александрович. Не всё мы успеваем. И нужны нам, откровенно признаюсь, свежие глаза и свежие головы, не забитые бюрократией. Я потому и дочь свою ангажировал, несмотря на её юный возраст. Коллеги меня поначалу, мягко говоря, не поняли, но теперь помалкивают... А вам покойный Белозеров дал весьма лестную характеристику.

– Вот как? – Я не сумел сдержать удивление.

– Истинно так. Он утверждал, что вы, милейший Константин Александрович, уж простите за точность цитаты – сам дьявол. Белозеров в буквальном смысле слова бился в истерике. Не понимал, каким образом вы – мальчишка! – сумели мало того, что противостоять магу четырнадцатого уровня, да ещё и раскрыть его, как руководителя кружка. Меня, признаться, также весьма заинтересовали ваши способности. С профессиональной, так сказать, точки зрения...

Вот оно что. Сейчас мы, похоже, перейдём наконец к сути дела.

– Польщен, – кивнул я. – Но меня интересует один вопрос. И хотелось бы, чтобы вы на него ответили.

– Весь – внимание, – улыбнулся Витман.

– Скажите. Вот, Белозеров – белый маг довольно высокого уровня. Взрослый, неглупый человек. Он видел, что его жемчужина темнеет. И, в отличие от бестолкового мальчишки Рабиндраната, прекрасно понимал, чем ему это грозит. Иллюзий относительно того, что в жемчужине таким образом возникнет баланс чёрного и белого, у него не было. Всё, к чему он в итоге придёт – жемчужина потемнеет полностью. Но, тем не менее – Белозеров не останавливался. Продолжал свою... гхм, деятельность. Почему?

Витман в задумчивости почесал подбородок.

– Признаться, не ожидал такого вопроса от человека вашего возраста. Могу узнать, почему вы задаёте его мне?

– А кому мне ещё его задать, если не вам? Человеку, который в силу своей профессии ежедневно сталкивается с подлостью и обманом?

– Что ж, резонно... Честно говоря, я и сам много об этом думал. И пришел к очень простому выводу. Поддаваться черноте – приятно. – Витман уставился мне в глаза. – Признайтесь, Константин Александрович. Ведь так?

– Так.

– Что и требовалось доказать... Видите ли. Подавляющее большинство белых магов – это люди, подобные вашему уважаемому дедушке. Они органически не способны обмануть, предать, поступить против чести. Истинное удовольствие они получают от созидания – будь то открытие сельской школы или защита осажденной крепости, неважно. Однако время от времени среди белых магов встречаются люди... скажем так, не идеальные. Условно говоря, если бы вашему дедушке предложили покрыть долги вашего отца в обмен на жизнь шестнадцатилетнего мальчишки, от предлагающего мокрого места не осталось бы. И, заметьте, жемчужина вашего дедушки от такого поступка стала бы только светлее. А Белозеров – человек, в душе которого тьма уже жила. Образно говоря, то, что случилось, всего лишь подтолкнуло камень, который уже лежал на краю обрыва... Я ответил на ваш вопрос?

– Пожалуй, – задумчиво кивнул я.

– В таком случае, позвольте, теперь спрошу я.

– Спрашивайте.

– Скажите, Константин Александрович. – Витман подался вперёд, наклонился над столом. – Вы вот недавно осудили действия моих людей. То, что в результате их действий погиб Белозеров. Скажите – а сами вы сумели бы обойти магическую блокировку? Задать подследственному вопросы так, чтобы они не спровоцировали его гибель?

– Я? – Я подумал, барабанил пальцами по столу. – Ну... Не знаю. По крайней мере, в лоб я бы точно действовать не стал. Попробовал бы по-другому...

– Так отчего же не попробовать? – Витман встал и улыбнулся широчайшей улыбкой. – Пойдёмте, Константин Александрович, тут недалеко. Прокатимся.

Мы опять ехали в машине с магической тонировкой, только теперь шинели мне никто не дал. Да я и не просил – уж от здания до машины как-нибудь не замёрзну.

– Куда едем-то? – спросил я.

– В тюрьму, – отозвался Витман.

– Магическую?

– Неужто я бы позволил себе такую низость – привезти князя Барятинского в тюрьму для простолюдинов? – даже обиделся Витман. – Разумеется, в магическую.

– Обвинения-то предъявите?

Тут хрюкнул и откашлялся Ашот, который также увязался с нами.

– Так мы же вас не наказывать везём, господин Барятинский, – осторожно сказал он. – Только попробовать ваши способности-с.

– Об этом я уже догадался, – сухо ответил я; не нравился мне этот Ашот. – Потому и спрашиваю: какие обвинения вы мне предъявите?

Витман и Ашот переглянулись.

– Госизмена? – предположил Витман.

– Неплохо, – кивнул я.

Бетонный забор, колючая проволока, дозорные вышки, КПП – всё выглядело по-взрослому. В безликое серое здание я вошёл первым – Ашот услужливо открыл передо мной дверь. Потом мы поднялись на второй этаж, Витман постучал в дверь кабинета, и из-за двери послышался женский голос:

– Кого там в такую рань чёрт несёт?!

Да, пока суд да дело – уже наступила рань. Судя по ощущениям, в академии курсанты выстроились для проведения утренней гимнастики. А меня на построении нет. Весело... Впрочем, наставникам явно не до смеха. Им предстоит докладывать деду, что с подведомственной территории пропал его любимый внук. Если я не найдусь – боюсь, одной разрушенной башней дело не ограничится.

Витман открыл дверь, просунул голову внутрь.

– Марина Аркадьевна? Доброго утра! А мы к вам с интересным предложением.

Марина Аркадьевна оказалась женщиной лет тридцати в строгой отутюженной форме. Форма, правда, едва не лопалась под напором внушительного бюста. Вьющиеся каштановые волосы облаком окутывали её голову. Хорошенькое личико с едва заметными веснушками вытянулось, когда в кабинет вошёл я.

Поначалу я решил, что женщина удивилась моему виду – медицинскому халату, надетому прямо на голое тело. Но оказалось, что причина её изумления в другом.

– В-ваше сиятельство? – пробормотала Марина Аркадьевна, встала и залилась краской. – Господин Барятинский? А... Простите, а что здесь происходит? Я не знала...

Ашот неуверенно хихикнул. Зато Витман чувствовал себя как рыба в воде.

– Да вспомнил вот, как вы наемни восхищались его сиятельством Константином Александровичем, – весело проговорил он. – А тут – оказия! Дай, думаю, познакомлю вас с восходящей светской звездой. Прошу: Константин Александрович Барятинский – Марина Аркадьевна

Бутурлина. Кто такой Константин Александрович я уж, с вашего позволения, докладывать не буду. А Марина Аркадьевна уже почти год как управляет этим славным заведением.

Марина Аркадьевна сбивчиво что-то забормотала про великую честь, я тоже чувствовал себя неуютно в качестве экспоната. Впрочем, Витман долго рассусоливать не стал.

– Но вообще, мы по делу, Мариночка Аркадьевна. Министр-то наш – как? Не сбежал ещё, грешным делом?

Как только речь зашла о работе, Марина Аркадьевна прекратила краснеть и заговорила по-деловому, короткими уверенными фразами.

– В одиночке, пишу принимать отказывается, – доложила она. – Ничего не говорит, разумеется.

– Вот и хорошо. – Витман потёр ладони. – Это мы сейчас и постараемся изменить.

– Опять? – Марина скептически подняла бровь. – Проходили ведь уже, Эрнест Михайлович. Вы чуть поднажмёте – а он прикажет долго жить.

– Теперь мы попробуем иной подход. – Витман посмотрел на меня. – Найдётся у вас лишняя тюремная роба, Мариночка Аркадьевна?

– Ещё бы не нашлась, – недоумевала Марина. – А что за подход такой?

– Прежде всего, Мариночка Аркадьевна, нам понадобится ваш талант, – улыбнулся Витман. – Сделайте так, чтобы господин министр ни в коем случае не признал в нашем общем друге знаменитого Константина Бярятинского.

Спустя пять минут я застегнул последнюю пуговицу на ярко-оранжевой робе. Спустя ещё пять Марина, стоявшая напротив меня, с облегчением опустила руки и выдохнула:

– Готово, ваше сиятельство!

Я посмотрел в зеркало, висящее на стене рядом с вешалкой. На меня уставился какой-то совершенно не знакомый парень. И лет ему было – двадцать пять, не меньше. Изменилась и причёска, теперь у меня на голове была обычная стрижка, без всяких кос и выбритых висков.

– Ну что, готовы? – с нетерпением спросил Витман.

– Готов, – пожал я плечами.

– Волнуетесь?

– Ещё как. Беспокоюсь, что сотворит с академией мой дед, когда узнает, что я пропал.

Витман всплеснул руками.

– Ох, простите! Забыл вам сказать. Об этом даже не вздумайте волноваться. В академию я отзвонился лично. Сообщил, что вы отсутствуете по крайне важной надобности.

– Ну, тогда всё в порядке, – пожал я плечами. – Ведите.

Наручники на меня надели по пути к камере.

– Обычные, – предупредил Витман, – не магические. А у господина министра – наручники, блокирующие магию. Вам ведь, если не ошибаюсь, уже доводилось сталкиваться с подобными?

Я кивнул. Вспомнил, как магические наручники с негромким шипением плавилась на запястьях Белозерова. Будем надеяться, что эти – более надежные.

– Господин министр будет думать, что у вас такие же, – продолжил Витман. – А вы сможете применять магию, если потребуется – не беспокоясь, что будете разоблачены. В случае, если вам будет грозить опасность, или что-то ещё пойдёт не так, бросайтесь к двери, стучите в неё и требуйте открыть. Вас немедленно выпустят. А ровно через час вам и вашему сокамернику принесут завтрак. Если к этому моменту вы уже закончите – скажите надзирателю: «Отведите меня к начальству!»

Сопровождавший нас надзиратель – пожилой мужчина с пшеничного цвета усами на широком лице – кивнул и достал ключи.

– Принято, – сказал я, когда мы остановились перед глухой тяжёлой дверью. – Один вопрос.

– Сколько угодно, – кивнул Витман.

Ашот маячил рядом. Оглядывался по сторонам с таким видом, будто опасался, что его самого вот-вот затолкают в одну из камер.

– Почему вы называете заключенного министром? – спросил я.

Ответил мне внезапно Ашот. Он хохотнул и сказал:

– Потому что он в министерстве иностранных дел служил-с, ваше сиятельство. Только и всего.

Дверь открылась, и меня втокнули внутрь. Втокнули без дураков, по-настоящему. Я это чувство узнал безошибочно: я теперь – заключённый, у которого нет никаких прав и никакой надежды. Ну, кроме одной: сдать всех и вся и уповать на милость победителя.

Отвратительно. Аж мороз по коже.

Дверь захлопнулась за спиной, и я огляделся. Каменный мешок размером в две моих комнаты. Две металлических кровати, привинченных к полу. Одна с матрасом, застеленная, другая – пуста. На застеленной сидел лысый мужчина лет пятидесяти в такой же робе, как у меня, и исподлобья на меня смотрел.

Свет проникал сквозь высокое зарешеченное окно. Холод стоял собачий. А при взгляде на металлические прутья основания кровати становилось ещё холоднее.

– Ну что ж, доброго утра, господин, – произнёс министр – сиплостью голоса напомнив мне Федота. – Мы, к сожалению, не представлены, придётся обойтись как-нибудь самостоятельно. Меня зовут...

– Знаю я, как тебя зовут, – буркнул я. – Не хуже тебя самого знаю.

Министр поперхнулся словами и моментально перестал чувствовать себя хозяином ситуации. Заморгал, растерялся. А я вразвалочку подошёл к его кровати и сделал жест – мол, пошёл вон отсюда, дай батьке посидеть.

И этот дядька, который был, может, раза в три старше Кости Барятинского и раза в два – моего нынешнего воплощения, подчинился.

Я сел на матрас, застеленный сверху плотным шерстяным одеялом. Расправил плечи, похрустел шейными позвонками. Похлопал скованными руками по карманам.

– Сигареты есть?

У министра отчего-то начали подрагивать руки. Он подошёл к своей тумбочке, открыл её и достал коробку с сигарами.

– Вот, пожалуйста-с...

– Сигары... – Я взял одну, покрутил в руках и прикурил от поднесённой спички. – И как вы их курите? Ни тебе затянуться, ни толку какого. И во рту – будто кошки нассали.

Я говорил медленно, глухо, не глядя на министра. Знал, какое впечатление у него выстраивается. И, судя по тому, что руки у него начали дрожать ещё сильнее, не прогадал. Тем более что я начал потихоньку подключать магическую технику убеждения.

Глава 6. Иной подход

Техника убеждения существовала в двух вариациях: чёрная и белая. Чёрная воздействовала на оппонента напрямую, а белая, если можно так выразиться, усиливала собственную харизму. Ну, если совсем просто: добиться от девушки расположения при помощи «чёрного убеждения» – это примерно такой же подвиг, как накачать её клофелином, а затащить в постель при помощи «белого убеждения» – вполне себе нормальная стратегия, можно даже этого особенно не скрывать.

Я использовал белое. Воздействовать на человека, у которого в голове стоит магическая блокировка, не рисковал – мало ли, чего там коротнёт случайно. Эти, вон, интеллектуалы, уже наработали себе на персональное кладбище. А мне интересно результат получить.

Убедившись, что министр вошёл в нужную кондицию, я добродушно кивнул, показав подбородком перед собой:

– Садись. В ногах правды нет.

Министр дёрнулся было к соседней кровати, но под моим тяжёлым взглядом замешкался и опустился на пол. Сел, скрестив ноги, и уставился на меня. Я попытлся сигарой. Вот уж действительно – гадость.

– Как сидится? – спросил, глядя на министра сверху вниз.

– Н-неплохо, б-благодарю, – начал он заикаться.

Я покивал, удовлетворённый.

– Неплохо, значит... Сигары свои куришь. Небось, особое меню.

По мёртвому молчанию я понял, что угадал.

– И вот какой вопрос возник там, – показал я большим пальцем себе через левое плечо и чуть вверх, для чего пришлось поднять обе руки, в одной из которых была сигара. – Отчего это тебе такие привилегии?

– П-простите? – вытаращился на меня министр.

– А вот этот вопрос как раз и решается, – усмехнулся я. – Если прощать нечего – так и прощать не надо. А если есть что прощать – так и прощать такого не стбит.

Я ещё чуть-чуть усилил свои слова убеждением, и с несчастного министра этого хватило. Его прорвало, и наружу хлынул мутный поток:

– Я ничего не сказал! Ни единого слова! – заверещал он, колотя себя в грудь кулаками. – Клянусь честью!

– Да брось, какая честь, – поморщился я и стряхнул пепел на пол. – Ты жизнью поклянись. Здоровьем. Семьей...

Министр побледнел.

– Н-не могу...

– Отчего же?

– В-в-вот! – Он поднял руки и показал «браслеты». – М-магия заблокирована. Не примет клятвы...

– Да это не страшно, – милостиво сказал я. – На слово поверю. Значит, молчишь?

– Молчу, – закивал министр, опустив руки. – Жизнью клянусь! А в-вы, п-простите, кто будете? – перешёл он на шёпот.

– Прощаю, – кивнул я и встал. Вопрос демонстративно проигнорировал. Подошёл к стене с окошком, посмотрел, щурясь, вверх. – Значит, слушай сюда, мой друг. Отсюда тебя скоро выпустят, ты нам ещё сгодишься.

– Когда? – тут же зацепился за надежду министр.

– Когда понадобишься, – отрезал я. – Будешь перебивать?

– П-простите, молчу.

– Продолжать молчать – это всё, что от тебя пока требуется. Белозеров вот даже с блокировкой многого не намолчал...

– Как они его раскололи? – прошептал министр. – Я ума не приложу. Но если не через него – откуда могли обо мне-то узнать?

Вот оно! Я затаил дыхание. Не донесённая до рта сигара тихо дымила вонючим дымом.

О предательстве министра узнали не от Белозерова. О нём знали с самого начала – с тех пор как перехватили документы иностранной разведки. И взяли его сейчас только потому, что полагали, от министра попробуют избавиться те, кто его купил – как только поймут, что заговор в Императорской Академии раскрыт. В общем, наша контрразведка успела переиграть иностранных коллег. Или, вернее, конкурентов. Но министр об этом, по понятным причинам – ни сном ни духом.

И, к слову, для него это ничего хорошего не значит. Если этого дядьку и выпустят, то на воле он долго не проживёт. А не выпустят – так сюда придёт кто-то вроде того, на кого я сейчас пытаюсь быть похожим. Только придёт не с разговорами, а с заточкой.

– Потому что они научились ломать блокировку, – тихо и внушительно сказал я. – Ты говоришь со следователем, а рядом маячит второй, вроде бы без толку. Но на самом деле это – не следователь, а белый маг, который шаг за шагом ослабляет твою блокировку. Прилагивается, как взломщик – к замку. Ты один раз не заметил – проболтался немного. И, вроде, ничего с тобой не случилось. Потом второй раз проболтаешься, уже побольше скажешь. А через недельку – вовсе соловьём запоёшь. Вот почему о тебе волнуются. И передают через меня привет.

– Да что вы... – прошептал министр. – Я ведь прекрасно понимаю, с кем работаю...

– Хорошо. Можешь сесть. – Я кивнул в сторону кровати.

Подождал, пока за спиной стихнет шорох. Машинально затянулся сигарой, как сигаретой – и, едва не закашлявшись, выпустил дым через ноздри. Господи... Нет, хватит с меня этого представления. Я затушил сигару о стену.

– Назрел вопрос. У тебя все исполнители такие же талантливые, как Белозеров? – Я повернулся и холодным взглядом посмотрел на министра.

Тот яростно замотал головой:

– Нет! Клянусь – нет! Белозеров... Он... Поймите, там был этот чёртов Бярятинский! Этот мальчишка... Вам ведь наверняка докладывали, что он творит! Он уже всем поперёк горла. Я... Простите, если я не в своё дело, но... Но этого щенка просто необходимо устранить. Он очень опасен!

– Щенка? – скривился я. – Зачем ты мне рассказываешь о детях? Я что, похож на работника Попечительского совета?

– Никак нет, – пробормотал обалдевший министр, – не похожи...

– Я пришёл сюда для того, чтобы услышать твои заверения относительно остальных пунктов, – резко сказал я. – Мне нужно знать, что всё пройдёт гладко и в означенные сроки! А плакаться на то, что какой-то молокосос помешал твоему исполнителю выполнять работу, будешь своей жене.

Министр вдруг как-то нехорошо оскалился, глазёнки сверкнули.

– О, не извольте переживать! – прошипел он. – Всё, что мне поручено, будет исполнено в лучшем виде.

– Когда? – резко спросил я.

Министр, казалось, удивился.

– Как условились...

– Мы насчёт академии тоже условились! – Я повысил голос и поднажал убеждением. – Однако вместо работы я вижу полный провал! Поэтому изволь-ка отвечать на поставленные вопросы!

– В-весной! – залопотал министр. – Точной даты назвать сейчас невозможно... Когда императорское семейство будут переезжать в летний дворец, они, вероятно, по погоде станут ориентироваться. Великой княжной Анной займутся очень надёжные люди.

– Настолько надёжные, что её потом придётся собирать по кускам по всему Петербургу? – фыркнул я.

– Что вы, нет! – Министр даже побледнел. – Великую княжну передадут в целости и сохранности, клянусь!

Мысленно я повесил себе на грудь орден. Как я и думал, магическая блокировка работала не настолько хорошо, как нейронная, которыми пользовались в моём мире. В нейроны зашивалась информация о людях, с которыми можно говорить, – и всё. Конечно, ломались и такие блокировки – ведь технологии изменения внешности были и у нас. Тут же всё зависело от степени доверия пациента.

Разумеется, доверять следователям министр не мог, они по определению были по другую сторону баррикады. Если бы он попытался что-то им рассказать – тут же бы и умер. Но пришёл я и просто убедил его, что я – свой. И вот на меня изливается благословенный поток.

Чёрный маг не смог бы такого провернуть чисто технически. Он бы попытался воздействовать «чёрным убеждением», на которое сто процентов триггернула бы блокировка. А белый маг... Ну, белый маг, который наденет тюремную робу и станет лгать сокамернику, чтобы получить интересующие его сведения – это в принципе существо мифологическое и в реальной жизни не существующее.

Зато в реальной жизни существую я, со своей биполярной жемчужиной. И могу делать всё, что угодно. Вот и сейчас жемчужина под робой остаётся нейтральной. Ведь пусть я и лгу, пусть запугиваю – но делаю это с намерением защитить Отечество. Я же не для собственного удовольствия здесь. И чёрное с белым таким образом вполне себе уравниваются.

– Надеюсь на тебя, – сухо сказал я. – А теперь нам нужно вспомнить уроки Мишеля.

– К-кого, простите? – захопал глазами министр.

– Не важно. – Я впился в него взглядом и врубил на всю катушку «чёрное убеждение» – теперь уже не боясь сорвать блокировку, поскольку не собирался обращаться к засекреченным сведениям. – Закрой глаза. Ты медленно погружаешься в глубокий сон. Твоё дыхание становится ровным и спокойным. Представь себе, что ты находишься в месте, в котором тебе было хорошо... Когда я досчитаю до трёх, ты уснёшь и забудешь обо мне. Проснувшись, ты ничего не вспомнишь.

Гипнотизёр из меня был, конечно, аховый, но и министра я деморализовал достаточно. К тому же он, лишённый магических сил, легко поддался на убеждение. В транс погрузился мгновенно, и стоило мне договорить – буквально упал на кровать. Лицо его тут же расслабилось, губы приоткрылись, он начал даже похрапывать.

В этот момент открылось окошечко на двери, и внутрь всунулся поднос.

– Завтрак, – пробасил надзиратель.

– К начальству меня проводи! – потребовал я.

– Как пожелаете-с, – прозвучал ответ, и в замке звякнули ключи.

– Вот такие, господа, у нас с вами пироги с дерьмом, – сказал я, глядя в зеркало на то, как фальшивая личина постепенно сползает, уступая место моему настоящему облику. – Дальше я давить, само собой, не стал, это уже было бы подозрительно.

Марину Аркадьевну куда-то спровадили из её собственного кабинета под благовидным предлогом – оно и понятно, дело государственной важности. Остались только мы втроём: я, Витман и Ашот. Последний стоял с раскрытым ртом, бледный и пребывал в полнейшей прострации. Витман же, хоть и очевидно обалдел от известий, быстро взял себя в руки и превратился в профессионала.

– Похищение великой княжны, – повторил он. – Н-да, высоко замахнулись.

– Да не так, чтобы очень, – пожал я плечами. – Если ниточки ведут к МИДу, то для них императорская дочка – не бог весть какая сумасшедшая высота. Вполне себе на расстоянии умеренно дерзкой фантазии. Вопрос только, зачем. Шантаж? Я, конечно, не слишком близко знаком с императором, но, чисто моё впечатление, на шантаж его величество не поведётся.

– Эх, Константин Александрович, – вздохнул Витман. – Боюсь, тут всё гораздо страшнее.

Я отвлёкся от зеркала, в котором уже появилась моя привычная внешность, и посмотрел на Витмана.

– Что же?

– Сам по себе император, при всём моем к нему глубочайшем уважении – фигура устрашающая, – заговорил Витман. – Хоть государь и является самым могущественным магом среди всех ныне живущих, настоящую силу представляет не он. Силу представляет императорская династия. И для её врагов сейчас сложилась очень благоприятная ситуация. Великий князь Борис Александрович, наследник, отличается слабым здоровьем. И все – сам государь в том числе – понимают, что, сев на трон, Борис долго не протянет. Да и не сядет он на престол. Ведь императором по закону может стать лишь человек, который удерживает в своей душе безупречный баланс света и тьмы – а Борис ничем подобным похвастаться не может. Во-первых. А во-вторых...

Витман выдержал эффектную паузу. Я закатил глаза – демонстрируя, что не ценю эффекты.

– ...во-вторых, состоит в родстве с императором, – поспешил закончить Витман. – Помимо кровного, есть только один способ породниться с ним. Думаю, вы понимаете, о чём я говорю.

– Брак, – кивнул я. – Если найти правильного мага и выдать за него Анну, то у императора появится преемник. А для заговорщиков ситуация изменится в корне.

– Именно. – Витман как-то странно на меня посмотрел. – Именно эту проблему заговорщики и собираются устранить.

– Но почему тогда похищение? Почему не убийство? – пожал я плечами. – Убить ведь – гораздо проще, чем похитить.

Чуть не ляпнул «поверьте моему опыту», но удержался. О моей бурной прошлой жизни Витману знать точно не нужно. Пусть лучше крепче спит.

– И к тому же, – осенило меня, – у Анны ведь есть сестра!

– Великая княжна Елизавета Александровна уже обручена, – покачал головой Витман. – О помолвке по ряду причин пока не объявляли, но это – дело решенное, уж поверьте. Её брак необходим по политическим соображениям, однако к магии, увы, не имеет никакого отношения.

– Хорошо, – не сдавался я. – А что если Борис женится на подходящей девушке? Разве это не проблема? Женщина ведь может стать императрицей?

– Может, – не стал отрицать Витман. – И я не знаю, что именно думают заговорщики по этому поводу. Но если подходить к вопросу, так сказать, технически, то следует признать, что похитить великого князя сложнее. Вокруг него, рядом с ним постоянно находятся люди. Много людей. Это не то чтобы охрана, но... Цесаревич ведь болен. Сами понимаете, как серьёзно за ним наблюдают. Да и, к тому же...

Витман не договорил, но я его понял. Нет никаких гарантий, что слабое здоровье Бориса позволит ему дожить до собственной свадьбы.

– Но всё же, почему не убийство? – не сдавался я.

Теперь уже стало очевидно, что Витман избегает отвечать на этот вопрос. Он отвёл взгляд.

– Возможно... Не знаю. Убить... Не так это просто, на мой взгляд. Императорский кортеж, там будет охрана. Должно быть, приблизиться и похитить великую княжну несколько проще, чем... Защита ведь – именно от покушений на жизнь. Охрана готова противостоять именно этому.

– Не убедительно, – отрезал я. – Великая княжна заговорщикам для чего-то нужна. И вряд ли даже наш министр знает, для чего.

– Вот тут не могу не согласиться, – усмехнулся Витман. – Наш министр – пешка. Он знает только то, что касается его роли в происходящем.

Я задумчиво покивал. Бросил взгляд на настольные часы.

Полдень... Если поспешить, то к обеду окажусь в академии.

– Я вам ещё нужен? Если дальше справитесь сами, то у меня есть ещё и свои дела.

Витман переглянулся с Ашотом, который вроде немного оправился, но всё равно молчал, будто разом потеряв дар речи.

– Что ещё за сюрприз меня ждёт? – нахмурился я.

– В этот раз приятный, поверьте, – улыбнулся Витман. – Признаться, мысль эту заронила ещё Кристина. Я, говоря по правде, сомневался, но теперь, испытав вас, готов сделать официальное предложение.

– Благодарю, у меня есть невеста.

– А у меня нет чувства юмора, – парировал Витман. – Я предлагаю вам, господин Барятинский, пополнить наши ряды. Вступить в тайную канцелярию. Всё же согласитесь, вы – не того склада человек, чтобы остаться в стороне от происходящих событий. И в наших общих интересах, чтобы наши с вами действия были согласованы. Не находите?

Я призадумался. Предложение было, конечно, интересным, но – неожиданным.

– Разумеется, всё будет храниться в строжайшем секрете, – поспешил добавить Витман. – Ни в академии, ни в свете об этом никто не узнает. Никакого урона вашей репутации быть не может, а влияние на вашу дальнейшую карьеру может быть только самое положительное. Служба в тайной канцелярии, по сути, приравнивается к службе в армии.

– Ещё и жалованье платить станете? – усмехнулся я.

– Ну разумеется, – улыбнулся Витман. – Копейки, конечно, в сравнении с тем, чем располагает род Барятинских, но...

– Копейка рубль бережёт, – кивнул я.

– В виду ваших особых заслуг, я готов сразу же предложить вам чин лейтенанта, и...

– Капитана, – перебил я.

Витман замер с приоткрытым ртом.

– Помилосердствуйте, – очнулся он спустя пару секунд. – Вы выкручиваете мне руки, господин Барятинский! Капитан – это, по сути, глава отдела...

– Ну, значит, когда мне понадобится отдел – я его создам, – пожал я плечами. – Капитан – мне подходит, на меньшее не согласен. Если у вас нет возражений, подготовьте необходимые бумаги. А теперь мне нужен телефон.

– Я уже позвонил, – сказал с кислой миной Витман. – И за вами уже приехали.

– Серьёзно? – вскинул я брови. – И кто же?

Глава 7. Делай, что делается

Грустный-прегрустный Платон стоял в тесном помещении возле входа в тюрьму и держал в руках свёрток с моей одеждой. Тайная канцелярия порадовала – сообразили, что деда о моих злключениях не нужно ставить в известность и вызвали человека, который одновременно и близок мне, и вхож в семью, и болтать не будет.

– Не думал я, что до такого дойдёт, Константин Александрович, – вздохнул Платон, передавая мне свёрток. – Я забираю вас из тюрьмы...

– Скажи спасибо, что не из морга, – усмехнулся я. – Тюрьма – ерунда, Платон. Мальчик не считается мужчиной, пока не побывал в тюрьме.

Я бросил свёрток на скамейку, стянул с себя оранжевую робу.

– Да неужто? – переспросил Платон. – Так у вас говорили?

– У нас по-всякому говорили, – проворчал я, переодеваясь в форму Академии. – В том числе и так... Да шучу я, Платон Степанович! Я ведь не чёрный маг, у меня чувство юмора есть. Скажи, пожалуйста, а вот эта прорицательница, бабка Мурашиха – она со скольких принимает?

– Я думал, мы отправимся отсюда напрямиком в Академию...

– Человек предполагает, а господь располагает.

– Вы, ваше сиятельство, не господь.

– Да уж, бог миловал, – хохотнул я, чувствуя, как почему-то поднимается настроение.

Хотя вполне понятно, почему оно поднимается. Я четверть суток прожил, как Капитан Чейн. Влез на заброшенный завод, пережил взрыв, ранение, любовь прекрасной дамы, допросил пленного, утёр нос матёрым профессионалам. Кровь-то кипит. Это вам не в Академии штаны просиживать.

Впрочем, надо признать, полгода учёбы в Академии нанесли моим штанам куда меньший урон, чем одна эта ночь.

Платон, верный традиции, приехал на такси. Водитель дождался нас и, выслушав новый адрес, ударил по газам.

– Что же вам потребовалось от прорицательницы? – спросил Платон, поставив завесу от прослушивания. – Что происходит, Константин Александрович?

– Ты же помнишь, как я дал Вишневному задание копать под завод? – спросил я, с удовольствием глядя в простое, не «тонированное» окно.

– Разумеется.

– Ну, вот он и копнул. После чего пропал без вести. Скорее всего, погиб. Сегодня я забрался на этот завод, нашёл там чемодан Вишневого, с которым он не расставался. И весьма тонкий намёк на то, что ребята, под которых я копаю, знают, что копаю – я.

– Полагаю, эхо этого тонкого намёка сегодня ночью слышал весь Петербург?

– Да, его, – кивнул я.

– Вы-то хоть целы?

– Клавдия меня подлатала, жить буду, – отмахнулся я; о ранении напоминала только тающая боль в левом бицепсе, как будто ударился обо что-то. – А вот этим сукиным детям я такой гарантии уже дать не могу. Переवेशаю всех. И, поскольку ниточек они мне не оставили, я сделаю смелое предположение, что в одном Петербурге не могут совершенно независимо друг у друга действовать две организации такого масштаба. Они связаны. Просто одни действуют через политику, а другие – через магию. И если не получается копать под одних – значит, нужно копать под других. Потому мы и едем к прорицательнице.

– Я мало что понял, – признался Платон.

– Тебе пока и не нужно, – утешил я. – Знай одно: я делаю всё, что в моих силах, и даже больше.

– Вот этому – верю охотно.

Мы подъехали к знакомой хибаре уже засветло. Платон остался в машине – я настоял. А сам вошёл внутрь.

С прошлого визита здесь ничего не изменилось. Всё та же затхлость, травы, свисающие тут и там, огонь в печурке. Только хозяйка лежала на тахте, а не сидела на двух стульях одновременно.

– Прошу прощения за ранний визит, – громко сказал я. – Дело срочное.

Старуха не шелохнулась. У меня нехорошо ёкнуло сердце. Этого ещё не хватало... Что ж, на месте этих сукиных детей я бы, конечно, тоже постарался устранить всех прорицателей. Или прибрать их поближе к себе.

– Бабка Мурашиха? – позвал я громче. – Вы... в порядке?

Подошёл к тахте, заглянул в лицо бабке и отшатнулся. Глаза были открыты, но закрылись. На меня смотрели два белёсых пятна.

– Твою мать! – от души сказал я.

И тут же чуть до потолка не подскочил.

– А ты мою мать не трогай, моей матери уж на свете нет дольше, чем ты по обоим мирам землю топчешь, – проворчала Мурашиха и уселась на жалобно стонущей тахте. – Пришёл, грубит. Звали его? А никто его не звал!

Ворча, она тяжело поднялась на ноги, заковыляла к плите, подвинула чайник. Зрочки её вернулись на место.

– А вы всегда так спите, бабка Мурашиха? – заинтересовался я.

– Вот пристал, окаянный! Всегда, не всегда... Это в ваших аристократиях да академиях так учут – даму расспрашивать, как она спит?

Я с облегчением рассмеялся. Всё-таки жуткая сцена вышла. А бабка мне, в целом, нравилась – хотя бы тем, что не заискивала передо мной; не хотелось бы взаправду найти её труп.

– Ладно, Мурашиха, не ругайся, – сказал я. – Дело есть. Заплачу за услуги.

– Уж конечно, заплатишь! – воскликнула Мурашиха. – Куды ты денешься. Чего хотел-то? Она уселась на свои два крепких стула, я приземлился на знакомый плетёный.

– Так, – сказал я, хрустнув пальцами. – В прошлый раз ты мне говорила про «принцессу». Я шутку-то понял, когда с Анной познакомился. Да и вообще, всё, что ты говорила, сбылось. И про пучину холодную, и про объединиться с тем, кого врагом считаю. Так что тебе, во-первых, можно доверять. А во-вторых – и не отпирайся! – «ниточку» великой княжны ты различаешь.

– Ну, пусть так, – проворчала бабка, явно польщённая.

– А значит, и проследить её сумеешь, – кивнул я. – Чем мы сейчас и займёмся.

– Эт как же – проследить? – Мурашиха вытаращила на меня глаза. – Ты что ж это – не знаешь? Мне это нельзя!

– Чего тебе нельзя? – сдвинул я брови.

– Про тебя, на судьбу твою погадать – это за денежку малую завсегда! А про других – и не проси, нельзя это, в судьбу чужую вмешиваться!

Старуха аж пристукнула кулаком по столу. Начал сипеть чайник.

– погоди... – Я закрыл усталые глаза и помассировал пальцами веки. – Давай по порядку. Значит, бабка Мурашиха, увидев будущее, приняла смелое решение убить – да-да, я говорю «убить», потому что это называется «умышленное убийство» – Костю Барятинского, после чего поспособствовала призыву в его тело духа из иного мира, чтобы изменить будущее своего мира кардинальным образом. А теперь эта же самая бабка Мурашиха лепечет что-то о невозможности вмешаться в чужую судьбу. Всё верно, я ничего не упустил?

Бабка насупилась.

– За то вмешательство я ещё расплачиваться буду, и ой как буду, – проворчала она, пряча взгляд.

– Ну, если уж всё равно расплачиваться – так может, гулять так гулять? – развёл я руками. – Все и за всё однажды расплатятся! Тоже мне, трагедия.

– Да на кой тебе та княжна? – перешла вдруг в атаку Мурашиха. – Чего ты с ней удумал делать? Чего без меня не обойдёшься? Молодой да красивый! С деньгой да положением! И – к бабке пришёл, как прощельга последний!

– А, – дошло до меня. – Ты думаешь, я её соблазнить хочу, что ли? Сплюнь три раза, бабка, стал бы я ради такой ерунды в такую рань по городу кататься. Или забыла, с кем разговариваешь?

Бабка, кажется, и впрямь забыла. Похмыкала, глядя на меня. Тут чайник начал свистеть, и она, кряхтя, принялась творить свой загадочный напиток.

– Я не буду, спасибо, – предупредил я.

Желудок уже грустил без завтрака после богатой на события ночи, и я справедливо полагал, что если ему опять подсунуть вместо пищи какую-то жидкость – он и вовсе расстроится. Надо будет хоть за пирожками заехать... А то обед в Академии я уж точно пропущу.

– А тебе и не предлагают! – огрызнулась Мурашиха. – Больно надо – продукт переводить. Ладно б нищий какой, а то – аристократ, князь!

Ворча таким образом, Мурашиха залила кипятком травы в заварочном чайнике и вернулась с ним к столу. Чашку и вправду принесла одну.

– Ну так чего тебе с-под той княжны великой запонадобилось? – спросила Мурашиха более миролюбивым тоном.

– А ты возьми, да посмотри, – настойчиво сказал я. – Сама для себя – можешь ведь? Эту весну глянь. А потом решишь уже – надо мне говорить, или нет.

Для пушей убедительности я сунул руку в карман и достал несколько купюр. Уронил их на стол. Мурашиха очевидно заинтересовалась. По моим прикидкам, это был её недельный заработок.

– Вот ведь настырный, – буркнула Мурашиха. – Ну гляну-гляну. Да только не надейся, что тебе чего расскажу! Лишь для спокойствия своего гляну.

– Всё, о чём прошу, – покладисто кивнул я.

Старуха положила руки на стол и замерла. Глаза её закатились, и я поёжился. Неприятное зрелище, как будто зомби на тебя тарачится.

По комнате пролетел холодный ветер. Я резко обернулся, думая, что кто-то открыл дверь, но дверь была закрыта. В следующий миг загудела печка. Я едва успел повернуться к ней, чтобы увидеть, как наружу вырывается пламя.

Я вскочил со стула, сжал кулаки, готовый к чему угодно. Пожар, как в театре? Хижина превратится в голема? Из подполья ползут гномы-каннибалы?

Что-то ударило в потолок, и на наши головы полетел мелкий сор. Казалось, там, наверху, кто-то ходит – большой и тяжёлый. Я мог по звуку проследить его путь. Вот он остановился над печкой, и я услышал его вздох. Звук, от которого по коже пробежал мороз.

Явилась из небытия цепь, обернулась дрессированной змеей вокруг моей ладони, свилась кольцами на полу, готовая броситься в атаку по первой же мысли. Но атаковать было некого.

Опять полыхнула огнём печка. На этот раз из неё вылетел изрядный лоскут пламени, остановился над столом, между мной и Мурашихой. В огне я увидел нечеловеческое лицо. Рот, раззявленный в беззвучном крике.

Видение истаяло спустя секунду, и тут завопила Мурашиха.

Она вскочила, схватила стол и одним движением швырнула его в сторону печки. Заварочный чайник упал и разбился, горячий настой расплескался по сторонам, в воздух поднялся клуб пара.

– Ай-й-й-й-й! – тонким голосом запищала Мурашиха, схватившись за голову. – Ай-й-й!
Из носа у неё потекла кровь.

– Что с вами? – крикнул я. – Помочь чем?

Но бабушку очевидно начало отпускать. Вернулись на место зрочки, руки опустились вдоль туловища. Сделав пару глубоких вдохов-выдохов, бабушка посмотрела на меня так, будто я был демоном, явившимся из преисподней по её душу.

На всякий случай я убрал цепь, чтобы не пугать лишний раз прорицательницу.

– Помогите, – прошептала Мурашиха. – Помогите, княже... Никто больше помочь не сумеет.

– Что ты видела? – шагнул я к ней. – Убьют-таки Анну, верно?

Мурашиха внезапно расхохоталась, как будто её одолело безумие. Но смех так же быстро стих. Зато после него вернулся нормальный голос.

– Убьют, говоришь, – проворчала Мурашиха. – Там похуже будет. Ох не зря ж ты меня, дуру старую, растормошил...

– Ну так зачем её похитить-то хотят? – подошёл я ещё ближе. – Смысл?

– В крови смысл, – сказала бабушка. – Кровь им, супостатам, нужна. Императорская.

– Зачем? – удивился я.

– Зачем?! – рявкнула Мурашиха. – Зачем, спрашиваешь?! Кровь к крови! И малая кровь влечёт за собой большую!

– Так, – подбодрил я её. – А теперь, пожалуйста, версию для безграмотных солдафонов. Что они затеяли? Ритуал какой-то?

Мурашиха проковыляла к тахте и обессиленно упала на неё. Закрыла глаза, руку положила на лоб. Лицо её сделалось бледным, дыхание – трудным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.